

КОМЕДИЯ МАСОК

АННА НОВА

Анна Нова

Комедия масок

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21126776
ISBN 9785448314957*

Аннотация

Мир больше не такой, как раньше. Присмотритесь: что вы видите? Сквозь туман проступают силуэты призраков, ангелы подземки появляются из туннелей метро. Старинные здания ветшают и рушатся, если смотришь на них под другим углом. Тысячеглазые и мимы селятся на руинах заброшенных церквей; случайные попутчики в ночном поезде оказываются паразитами, которые питаются снами и мечтами людей. Однажды вы столкнетесь с неотредактированной реальностью... и это открытие не принесет вам ничего, кроме проблем.

Содержание

1. Андела	5
2. Холден	24
3. Кай	42
4. Андела	63
5. Холден	77
Intermezzo, parte prima	86
6. Иван	90
7. Андела	105
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Комедия масок

Анна Нова

Редактор Лиза Беляева

Дизайнер обложки Jaidde Neimen

© Анна Нова, 2018

© Jaidde Neimen, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-1495-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Андела

О боже, до чего непростительно вкусный сэндвич! Я с аппетитом откусила кусочек. Медово-горчичный соус, бекон, ветчина, цельнозерновой хлеб. Привет, калории, как же я скучала по вам.

Лорна поерзала на соседнем стуле, не зная, куда деть свои длинные ноги.

– Энди, ну проверь инстаграм, ну, пожалуйста, я хочу знать, сколько там уже лайков! – снова начала ныть она, накручивая на палец прядь своих ослепительно розовых волос. – Я забыла телефон...

– Это я уже слышала, – с набитым ртом ответила я, – вечером скину тебе фотографии, подожди немного, а? Господи, почему ты так прекрасен? – я повертела произведение кулинарного искусства сетевой забегаловки Pret-a-manger в руках и с наслаждением отщипнула от хлеба кусочек вместе с расплавленным сыром. Лорна поежилась. Весь ее обед состоял из стакана сока и полуистлевшего яблока. Но она была моделью, не я. Я была человеком по ту сторону камеры, скрывалась за объективом.

Мы как раз закончили съемку в Нилс Ярд и теперь сидели в кафе на Шэфтсбери авеню. Лорна училась в одной группе со мной. Периодически мы вместе работали над арт-проектами: придумывали сюжет, декорации, макияж, подбира-

ли одежду и делали уйму претенциозных снимков. Мне нравилось снимать Лорну. Наверное, из-за ее ярко-розовых волос (они меня просто гипнотизировали, и я могла смотреть на них часами).

– Мне скучно! – пожаловалась Лорна, вытащила из сумки журнал и лениво пролистала его, фыркая при виде особенно неудачных фотографий. – Ну, ты доела? Достань телефон, Андела, я не могу больше!

Честно, иногда мне нравилось над ней издеваться. Лорна жить не могла без инстаграма и ежедневного ритуала подсчета лайков. Я достала телефон из кармана джинсов и молча протянула ей. Подруга выхватила его и на некоторое время выпала из реального мира. Я между тем допивала кофе, рассеянно наблюдая за проходившими по улице людьми.

«Какой прекрасный день», – вдруг подумала я. А каким он еще может быть? Я учусь и работаю в Лондоне. У меня есть все. Друзья, увлечения, даже любовь... И когда все успело настолько измениться?!

Четыре года назад я закончила школу в Праге и переехала сюда. Родители не стали возражать, когда я решила поступить в Университет Искусств. Святые люди! Честно говоря, даже не думала, что так бывает.

– Может, пойдем? – Лорна вернула мне телефон. Она выглядела вполне довольной. Ярко-розовые волосы рассыпались по плечам, и блики осеннего солнца делали их совершенно невероятными. Я знала: Лорна тоже была счастлива.

– Ого, уже сто лайков и репост в сообществе London Street Fashion, – я уставилась на фотографию, сделанную на телефон в самый разгар нашей фотосессии. Просто сфотографировала ее ради прикола. Разноцветные дома на Нилс Ярд, сияющие волосы Лорны и ее простое черное платье. Снимок действительно получился удачным. В нем было столько жизни. Столько искренности.

Позже я часто вспоминала этот день, беззаботно-прекрасный, окрашенный в неоновые цвета домов на Нилс Ярд.

Лондон менялся так же быстро, как выражение лица Лорны, становясь то меланхолично-задумчивым, то безумным и веселым, а иной раз – спокойным, даже мрачным. В зависимости от погоды и освещения до боли знакомые улицы выглядели немного иначе. Лондон был городом-хамелеоном. Все время разным и изо дня в день удивительным.

– Круто, ты, как всегда, молодец! – Лорна похлопала меня по плечу. Поднялась, набросила на плечо сумку. Я сгребла со стола свой рюкзак и тоже поднялась.

Мы вышли из кафе и зашагали в сторону Сохо. Лорна громко жаловалась на задание по истории искусств, бурно жестикулировала и пыталась доказать мне, почему ей не нравятся работы авангардистов. Я слушала ее вполуха, размышляя обо всем и в то же время ни о чем конкретном. По привычке глазела на людей, дома, витрины магазинов, ловила обрывки разговоров на десятках разных языков. Иногда мне казалось, что все это слишком прекрасно и не принадлежит

мне по праву. Не знаю, когда ко мне пришла эта мысль. Просто... иногда мне начинало казаться, что все не по-настоящему, что однажды я проснусь и увижу истинный мир – не отредактированный в фотошопе, не улучшенный с помощью фильтров в инстаграме. Мир, который на самом деле существует.

– Мама приготовит на ужин стейк с картошкой, это мое любимое блюдо, она помнит, прикинь. Придется есть, к черту диету, да? Мама так редко приезжает. Энди, ты вообще слушала? – Лорна ощутимо ткнула меня в бок. – Я тебе тут о важных проблемах, а ты... – она широко улыбнулась.

Мы дошли до автобусной остановки и на минуту замерли под расписанием. Лорна жила в Кэмдене в квартире двоюродной сестры, а я – на Данэм Роуд со своим мужем. Нам было не по пути; пришло время прощаться. Лорна очень ждала приезда мамы и собиралась как следует подготовиться (в ее понимании это предполагало раскладывание вещей по местам и элементарное мытье посуды). Мне же, честно говоря, ужасно хотелось домой: сделать себе кружку чая, залезть под одеяло и посмотреть какой-нибудь фильм.

Лорна потопталась на месте, потом замерла, сложив руки на груди. Несколько парней пялились на мою подругу во все глаза; один даже начал бочком приближаться к ней с явным намерением попросить номер телефона (о, мне был знаком этот взгляд!). Ничего не вышло: через пару секунд подъехал автобус. Лорна быстро наклонилась, обняла меня и, крикнув

на прощание «пока-пока», унеслась пробиваться внутрь. Я помахала ей вслед и зашагала в обратную сторону.

На душе было легко, в голове – пусто. Я шагала по городу, подпевая песням в плеере. Рюкзак привычно натирал плечо. Профессиональный фотоаппарат, блокнот для скетчей, тамблер на случай аварийной высадки в кофейне ранним утром или поздней ночью, косметичка для создания любого образа в полевых условиях. Это добро весило целую тонну, но я не могла с ним расстаться. Вещи стали частью меня, и без них я ощущала себя неуютно. Они составляли портрет Анделы Мареш, студентки колледжа моды и дизайна, носившей истертые джинсы из секонд-хэнда, обладательницы специфической внешности и десяти дырок в ушах. Черт возьми, я такая необычная! Поймав свое отражение в витрине магазина, едва не рассмеялась этим идиотским мыслям. Как будто в Лондоне кого-то можно было удивить пирсингом и истертыми джинсами.

Примерно через час я наконец добралась домой. Как обычно, заснула в автобусе и едва не подпрыгнула, услышав объявление своей остановки. Со второго этажа автобуса вниз я практически скатилась, растолкав всех на своем пути и извинившись одновременно на трех языках.

Дело в том, что кроме родного чешского и, естественно, английского, я отлично знаю русский язык. Моя мама родом из Москвы, и я довольно часто там бываю.

Мы жили в небольшом частном доме на три семьи. У нас

был уютный сад с раскидистыми деревьями, мангал для жарки барбекю, качели, на которых можно было раскачиваться и читать книжку теплыми летними вечерами. Наш дом казался сказочным, сошедшим со страниц книг о типичной Великобритании. В Праге я жила в самом обыкновенном спальном районе в многоквартирном доме. Переехав в Лондон, поначалу обитала в общежитии. Но потом я встретила Тейта... Не сказать, что до встречи с ним у меня была плохая жизнь, даже наоборот. Но с ним все стало по-другому. Одновременно и хуже, и лучше, и просто великолепно.

Я приняла эти перемены как данность. Наверное, я даже в полной мере не осознавала, насколько была счастлива тогда. Мне казалось, теперь счастье будет длиться вечно. Я вообще воспринимала свою жизнь как клип Ланы Дель Рей: с обязательным набором романтических пейзажей, закатов и венков из роз. Тейт помог добавить в жизнь щепотку реализма (особенно остро реализм ощущался, когда мой муж валялся с приступами астмы, аллергии, очередного вируса или банальной мигрени). И все равно я была, наверное, самой счастливой студенткой во всем Лондоне!

Я не учитывала лишь одно – что все меняется. Что-то заканчивается, начинается нечто иное, и вдруг приходится делать выбор.

Но зачем думать об этом, когда ты счастлив, верно?..

Открыв дверь, я вошла в прихожую. Скинула ботинки, отнесла рюкзак в спальню. Поплелась на кухню готовить чай.

Позвонить мужу, что ли? Зевнув, я достала телефон и набрала Тейту.

– Привет! Как ты там? – я включила чайник и открыла шкафчик, выбирая, какой же чай заварить.

– Как раз собирался тебе звонить. Апчхи! – Тейт чихнул, шумно высморкался. – Извини, опять чертова простуда. Пока живой, если что.

– Ну, это обнадеживает, – я взяла с полки банку черного чая с молочным ароматом.

– У нас, как всегда, очень весело, – совершенно невеселым тоном сообщил Тейт. – Меня завтра отправляют в Эдинбург, нужно встретиться в университете с руководителем проекта и его командой. Заранее у нас ничего планировать не умеют, все в последний момент, – сокрушенно прибавил он.

– Проект – это та суперсовременная штука для исследования поверхности Марса?

– Она самая.

– Ну, ты хоть сегодня не в ночи домой вернешься?

– О-о-ой не знаю, – скептически протянул Тейт, – есть вероятность, что приползу. Чего делаешь? Устраивали сегодня фотосессию?

– Ага, отлично было! Делаю... Мхм, в данный момент насыпаю заварку в чайник и собираюсь посмотреть новую серию чего-нибудь. Еще не решила, чего.

– Только не «Мост»! – запротестовал Тейт. – Без меня

не смотри! – на другом конце провода раздался грохот. Судя по всему, муж что-то уронил на пол, – Ладно, Энди, мне пора, меня опять тут кто-то хочет... Да, сэр, я вам все скинул на почту, проверьте!

– Люблю тебя, – весело сказала я и отключилась. Думаю, Тейт меня услышал.

Мой муж работал в Aurora Aerospace, одной из дочерних компаний группы Aurora. Этот международный бренд занимался всем – начиная с выпуска лицензионных дисков, заканчивая космическим туризмом. В Aurora Aerospace производили технику и оборудование для авиационно-космической отрасли; у компании было несколько филиалов.

Должность Тейта звучала как «ассистент главного инженера», но выполнял он в основном менеджерскую работу, возился с договорами, почтой, проводил встречи и организовывал участие в выставках. До проектирования и работы непосредственно с техникой его никак не допускали, и это частенько вызывало у Тейта раздражение.

«Ничего, скоро ты получишь власть, построишь летающую тарелку, и мы полетим захватывать Лондон, мва-ха-ха-ха!» – я часто повторяла эту фразу в разных вариациях и изображала злодейский смех. В последний раз, когда речь зашла о наших коварных планах, Тейт загадочно вскинул брови и заметил, что главное – не врезаться в Биг Бен и не летать, «как обкуренные пришельцы».

– Вот только не надо оскорблений! У меня права катего-

рии А! – похвалилась я. И неважно, что права распространились только на наземный транспорт...

Чай тем временем заварился. Я налила себе огромную кружку. Включила ноутбук, уютно устроилась на диване и на пару часов потерялась для мира. Черт, как же я любила подобные выходные!

Когда Тейт вернулся домой, я перекачивала фотографии с карты памяти на ноутбук. Муж выглядел больным и замученным. Пробурчав унылое «привет», он устремился в спальню и рухнул лицом в подушку. Я села на край кровати рядом с ним, осторожно погладила по темным волнистым волосам.

– Ты живой?

В ответ – невнятное мычание. Я потыкала его в бок. Ноль реакции. Потом залезла на кровать, мягко, но ощутимо вцепилась ему в плечи, заставила перевернуться на спину.

Тейт загадочно улыбался. Нос его немного покраснел, губы обветрились, на щеках пылал болезненный румянец. Меня окатило волной нежности и любви к нему. Тейт смотрел на меня, слегка прищурив глаза. Он ничего не говорил, да это было и ни к чему – все его чувства я могла прочесть в глазах. Мы прожили вместе всего два года, но мне казалось, что я знаю его всю жизнь или знала в жизни прошлой. Слова порой не имели совершенно никакого смысла. И все же я нарушила молчание:

– Вас эксплуатируют, как домашних эльфов! Пора взбун-

товаться и потребовать носки. Или хотя бы премию.

Вместо ответа Тейт притянул меня к себе и осторожно поцеловал. Я ответила, совсем забыв про возможность проснуться утром с головной болью и насморком. Через пару минут я отстранилась и легла рядом, положив голову ему на плечо.

– К слову, носки я уже потребовал. Добби – свободный эльф! – Тейт потер глаза. – Я попросил двухместный номер, мы можем поехать вместе. И билет тебе купим со скидкой от компании. Ну, если ты вдруг решишь прогулять работу и универ.

– Серьезно? – я нашла его ладонь и крепко ее сжала. – Я уже решила! Правда не знаю, отпустят ли меня.

– Позвони начальнице, пока не поздно. Пойду пока пожую чего-нибудь, – Тейт зевнул и с трудом сполз с кровати. Он отправился на кухню, а я вернулась в гостиную. На кофейном столике перед диваном стоял мой ноутбук, рядом лежал фотоаппарат и телефон.

Проверила, скопировались ли фотографии. Оставалось еще 20 процентов... Как раз успею позвонить Молли и выпросить два дня отпуска за свой счет. Управляющая у нас была строгая, но все же относилась к сотрудникам по-человечески и ценила честность. Мысленно заставив себя успокоиться и не мямлить, я набрала ее номер. Молли ответила из какого-то шумного места. Я сбивчиво рассказала ей про командировку Тейта и скидку на билеты, про возможность

увидеть Эдинбург. Заранее приготовилась получить отказ.

Но Молли, похоже, было все равно.

– Окей, поезжай. Только договорись с кем-нибудь из девочек, чтобы вышли вместо тебя. Можешь Лорну позвать, она в прошлый раз отлично справилась.

– Отлично! Спасибо, Молли! Сейчас ей позвоню.

– Давай, хорошего отдыха. Только не забудь виски купить, – хмыкнула начальница.

– Обязательно! До связи! – бодрым голосом сказала я. Выключив телефон, вскочила и попрыгала вокруг дивана. Лучше и быть не могло! Лорна обожает магазин дизайнерских вещей Kisses and Stardust. Обожает мою начальницу. Обожает меня!

– Тейт, все круто, мы едем! – завопила я и метнулась к ноутбуку. Скачивание завершилось, можно было проверить, чего же я там наснимала.

Я открыла папку и щелкнула по первой фотографии. Она открылась, и я начала листать дальше.

Этот осенний день был удивительно ясным и солнечным. Погода поменялась лишь единожды: набежали легкие тучки, а потом вдруг поднялся ветер. После этого снова показалось солнышко, и Нилс Ярд засверкал своими неоновыми цветами. Лорна, по-моему, всегда получалась на фотографиях идеально. У нее была потрясающая мимика и ощущение собственного тела в пространстве. На мой скромный взгляд, почти все фотографии вышли на пятерку!

Я пролистала пару десятков файлов, прежде чем наткнулась на одну-единственную, изменившую мою жизнь раз и навсегда.

Если попросить меня описать этот снимок, я сделаю это во всех подробностях. Настолько хорошо я помню только узор из родинок на лице Тейта – поднимите меня среди ночи, заставьте рисовать, и я воспроизведу все досконально.

Лорна стоит в переулке между ярко-розовым и ярко-желтым домом. На розовом домике – вывеска *Hair By Fairy*. На Лорне – короткое черное платье и темно-бордовые ботильоны. Она держит в руках черную шляпу и с презрением смотрит на вывеску парикмахерской.

За спиной Лорны – двое белесых существ. У них нет ни глаз, ни рта, ни носа. Тела обтянуты тугой пергаментной кожей. Их когтистые руки испачканы кровью. Они касаются плеч Лорны нежным, почти заботливым прикосновением. Обнимают ее. Смотрят на нее своими пустыми глазницами. За желтым домом виднеется разрушенная церковь в разводах темно-зеленого мха. Серое небо сочится дождем, нависая над переулком тяжелой пыльной завесой...

Сначала я не совсем осознала то, что увидела. Пролистала назад. Потом вперед. Вернулась к злополучной фотографии и снова уставилась на нее, не понимая абсолютно ничего.

Руки у меня предательски дрожали. В глазах стало мутно от подступивших слез.

– Тейт? – слабо позвала я. – Тейт, можешь посмотреть?

Он как раз вошел в гостиную с кружкой чая и куском сыра в руке.

– Новые фотографии? – заинтересованно спросил он и сел рядом со мной. Поставил чашку на столик, чуть придвинул компьютер. Картина показалась мне дикой. Тейт флегматично жевал сыр и созерцал эту жуткую фотографию.

– Ну, мрачновато как-то, – наконец вынес вердикт он, – в духе Дона Кенна получилось. Классная работа в фотошопе, отлично сделала. А еще есть?

– Это не фотошоп, – выдохнула я, – Тейт, это не фотошоп!

– Ну конечно, – хмыкнул Тейт и сделал глоток из кружки. – Ты же мастер коллажей, тебе десять минут нужно на такой...

Я замотала головой.

– Это не фотошоп, – тупо повторила я. Из глаз вдруг хлынули слезы – я больше не могла держать их в себе.

– Энди, ты чего?! – Тейт, кажется, испугался моей реакции. Он резко поставил чашку на столик, притянул меня к себе. Я уткнулась носом в его плечо, обняла крепко-крепко. От Тейта пахло эвкалиптовыми леденцами.

– Посмотри еще раз. Пожалуйста.

Не выпуская меня из объятий, Тейт чуть подался вперед. Я зажмурилась и боялась открыть глаза. Он молчал; я прислушивалась к стуку его сердца и шуму ноутбука.

– Какие версии, если это не коллаж? – голос Тейта слегка дрожал. – Давай поищем в сети аналогичные случаи. Это

точно не чей-то приколы? – с надеждой спросил он.

– Исключено, – я выбралась из своего надежного укрытия и взглянула на Тейта. Кажется, он до конца не верил в реальность происходящего, – я начала перекачивать фотографии за полчаса до твоего прихода. Перед этим фотоаппарат все время был в сумке.

Ответа у Тейта не было. Он еще раз посмотрел на фотографию. Потом на меня. Нахмурившись, предположил:

– Ну, иногда получается сфотографировать призраков. В сети можно посмотреть кучу подобных снимков. Большинство, конечно, подделки, но некоторые...

– Это не призраки, а чертовы монстры! – огрызнулась я и вскочила на ноги. Принялась расхаживать по гостиной взад-вперед. Я уже не могла думать о чем-то другом, сознание заволокло страхом и паникой.

Такого просто не может быть. Не может быть, и все тут.

– Я поищу в сети, – удивительно, как Тейту удавалось сохранять самообладание. Наверное, у него сильно поднялась температура, и весь окружающий мир выглядел для него немного нереальным. Утром он забудет про этот эпизод. А может быть, и нет.

– Не надо ничего искать, – я подошла к столу и захлопнула ноутбук. Меня трясло от самой мысли об этом. – Давай посмотрим после поездки. Если вдруг не окажется, что нам эта мерзость просто привиделась, – я выдавила из себя улыбку. Тейт окинул меня скептическим взглядом. Не поверил, ко-

нечно же.

А я просто не хотела больше думать об этой фотографии. Словно всеми силами пыталась оттянуть наступление неизбежного.

– Пойду спать.

Я не обняла Тейта, не поцеловала, не пожелала ему спокойной ночи. Я чувствовала себя настолько сбитой с толку и ошарашенной, что почти не соображала. Скинув одежду, я натянула безразмерную футболку, в которой спала, и забралась под одеяло. Накрылась им с головой.

Надо написать Лорне...

Меня хватило только на фразу «Отпросилась на два дня. Выручишь? Надо поработать в магазине».

Я слышала, как Тейт стучит по клавишам в соседней комнате. Черта с два он бросит свою затею. Наверняка искал в интернете похожие случаи.

Интересно, как выглядел поисковый запрос? «Оптические иллюзии. Монстры на фотографии. Фотографии призраков. Снимки потустороннего мира».

Потом вспомнила, что он хотел забронировать мне билет на поезд.

Эта мысль меня успокоила. Она была такой простой, уютной и понятной. Безопасной. Я ухватилась за нее, заставила себя думать только об Эдинбурге. Потом я почувствовала укол совести: Тейту было плохо, а я позорно сбежала, спряталась от чудовищ под одеялом. Интересно, хоть кому-ни-

будь этот способ помог?

Минут через десять Тейт зашел в спальню. Я завернулась в одеяло как в кокон, села на кровати.

– Поезд завтра в 12:30. Правда, места в разных вагонах, но мы можем ходить друг к другу в гости, – Тейт быстро снял джинсы и рубашку. – Черт, если бы меня так не температурило, совсем было бы хорошо. Поставишь будильник? Надо еще успеть собрать вещи. Но это завтра, все завтра.

– Угу, – кивнула я.

– Я в душ, – он швырнул одежду на стул и отправился в ванную.

– Тейт?

– М? – он обернулся ко мне.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю, совушка.

Он был таким красивым, когда улыбался. Я скажу ужасно банальную вещь: когда человек улыбается искренне, он будто светится изнутри. Тейт был весь словно соткан из света.

Какая же у меня удивительная жизнь... Как я буду по ней скучать.

Эта мысль пронзила меня настолько внезапно, что я ощутила боль в сердце. Ойкнув, легла на кровать и закрыла глаза. Чушь какая!

Я крепче вцепилась в одеяло, словно оно могло спасти меня от всех ужасов мира. Постепенно я проваливалась в сон.

Засыпать в любом месте и в любое время было, пожалуй, самым сильным моим талантом.

Поезд отправлялся с вокзала Кингс-Кросс.

Когда я впервые увидела площадь перед вокзалом Кингс-Кросс и Сейнт-Пэнкрас, я живо представила, как Джоан Роулинг могла прийти в голову идея о Гарри Поттере. Невозможно жить в Лондоне и не придумывать сказки. Невозможно увидеть Англию и остаться равнодушным.

Неоготический Сейнт-Пэнкрас напоминал замок из красного кирпича. Мимо него можно было передвигаться, исключительно задрав голову вверх, чтобы иметь возможность рассмотреть все детали фасада. Наверное, я никогда не смогу привыкнуть к этому городу и смотреть на него глазами типичного лондонца. Я навсегда останусь туристкой, приходящей в восторг от красивых домов, памятников и садов.

Тейт вырос здесь и зачастую принимал свой город как данность. Ворчал из-за переменчивой погоды, пробок, толп туристов. Но я знаю: каждый раз, когда мы гуляли вместе, Лондон открывался ему с новых сторон. Я помогала ему увидеть то, чего он раньше не замечал. Так обыденность превращалась в сказку – и мы создавали ее своими силами.

Мы поженились, когда мне было двадцать, а ему – двадцать три. Родители сочли это очень необдуманным решением. Но знаете, как бывает – иногда встречаешь человека и понимаешь, что будешь с ним. Просто будешь. И неважно, сколько испытаний перед этим вам предстоит пройти.

Мы пили кофе, с улыбкой поглядывая на туристов рядом с памятником на платформе 9 и $\frac{3}{4}$. К тележке с чемоданами и совой выстроилась целая очередь: всем хотелось сфотографироваться на память. Кофе был вкусным, Тейт обнимал меня за плечи, а я смотрела на свою исполнившуюся детскую мечту. Мысли о злополучной фотографии я задвинула в самые отдаленные уголки своей памяти. Спрятала в коробочку, закрыла на ключ и похоронила где-то между воспоминаниями о школьных годах и воспалении легких, которое чуть не свело меня в могилу. Я так мастерски убедила себя в том, что ничего не было... ничего не случилось, нам просто показалось.

Тейт тоже не поднимал тему загадочной фотографии, но я чувствовала – он провел какие-то исследования и составил свое мнение на этот счет. А, плевать. Потом спрошу.

Мы взяли с собой минимум вещей; большую часть багажа занимала техника. Я проверила телефон. Пришло сообщение от Лорны.

«Я в магазине, у нас тут аншлаг! Спасибо, солнце! Удачной вам поездки».

Я улыбнулась. Аншлаг, неудивительно. Кто пройдет мимо высокой девушки с ярко-розовыми волосами, одетой в лучших традициях уличной моды? Готова поспорить, что все посетители, заходившие в магазин, не могли уйти без покупки.

Через полчаса началась посадка на поезд. Тейт проводил

меня до вагона. Мы долго целовались, стоя на платформе. Никак не могли расстаться.

– Ну, не скучай там без меня, – он подмигнул на прощание.

– Да уж конечно. У меня полно недосмотренных фильмов.

– Лично я собираюсь выспаться, – заявил Тейт.

– Унылость какая, – я пихнула его в бок, – да кому вообще нужен сон?

Тейт показал мне язык и, закинув рюкзак на плечо, зашагал к своему вагону.

Я села на место у окна, запихнула рюкзак под сиденье и включила музыку. Устроилась поудобнее.

Ну что ж, Эдинбург.

Странно, но мне совсем не хотелось туда ехать. Хотелось только одного – отмотать этот день назад и не соглашаться на съемку в Нилс Ярде. Вообще вычеркнуть эти события из памяти.

Удивительное дело – я так любила читать мистические истории. Но когда нечто подобное случилось со мной, я решила просто сделать вид, что все в порядке. Ничего не произошло, и жизнь идет своим чередом.

Скоро я буду в Эдинбурге!

Эта мысль не вызывала воодушевления. Вообще никакого.

В глубине души я уже понимала: что-то изменилось, и прошлая я вдруг разлетелась на осколки.

2. Холден

Я проснулся от головной боли: жаркой, пульсирующей в висках и совершенно чудовищной. Застонав, высунул руку из-под одеяла и зашарил по простыне в поисках мобильного телефона. Мутным взглядом уставился на экран, пытаюсь понять, где я и сколько же сейчас времени. Цифры предательски расплывались. Я сфокусировал зрение и наконец смог различить время и дату.

17 сентября, четверг, 10:03.

Десять пропущенных вызовов.

Меня затошнило. Это немного напоминало жесточайшее похмелье. Но только немного. Головная боль отступала на время, а потом разгоралась с новой силой, ввинчиваясь в мои виски раскаленными шурупами.

После подключения к «Виатору» так бывало всегда.

Настойчивый шум пробивался сквозь тишину комнаты, разрывая мой мозг на сотни ярких кусочков головоломки. И собирая заново.

В дверь звонили.

Да какого черта!

Героическим усилием воли я заставил себя откинуть одеяло и упасть с кровати в студеный холод спальни. Обогреватель сломался, а отопление в старом доме, как всегда, барахлило. Температура здесь была немногим выше, чем на улице.

Я бросил взгляд в окно: серое небо, рыхлое, словно легкие курильщика, сочилось дождем. Он размывал очертания домов, превращая мир в смазанный карандашный набросок. Воздух был сырой и прогорклый. Запах мокрой брусчатки, плесени и разлитого бензина смешивался с ароматом свежих булочек из пекарни и сквозь открытую форточку проникал в комнату.

Меня трясло. Дрожащими руками я снял со спинки кресла растянутый свитер, надел поверх футболки.

Путешествие к входной двери было долгим, очень долгим, несмотря на небольшое расстояние до прихожей. По пути меня пару раз чуть не вывернуло наизнанку.

– Мистер Эридан, полиция Эдинбурга! – в мою квартиру уже откровенно ломились.

Я открыл дверь и едва не упал на седовласого детектива.

– Сэр, мы пришли задать пару вопросов о Ванессе Уайт, – скороговоркой начал он, но осекся. – Сэр, с вами все в порядке? – голос констебля доносился издалека.

– Да все шикарно, – прохрипел я. Я смотрел сквозь него и видел гранитные блоки стены, покрытые плесенью. Древние камни истекали кровью. По ним ползали отвратительные черно-зеленые многоножки, с лоснящимися, тускло блестящими спинами и длинными раздвоенными хвостами. Другой мир проступал через привычную реальность, проявлялся, как сделанная на «Полароид» фотография.

Что это? Галлюцинации? Еще один побочный эффект

от работы с «Виатором»?

В глаза словно насыпали сухого песка. Я вцепился рукой в дверной косяк, чтобы не упасть. Коллега детектива – молодой констебль в полицейской форме – подхватил меня под локоть и повел на кухню.

– Давно вы в таком состоянии? – спросил седовласый. – Почему не обратились в больницу?

– Со вчерашнего дня, – ответил я. Молодой констебль по-хозяйски включил чайник.

Я опустился на стул, пытаясь справиться с предательской дрожью в коленях. Давненько мне не было *настолько* плохо.

– Вы живете один? Почему не позвонили врачу или кому-то из друзей? Родителям? – продолжил детектив.

Сколько вопросов одновременно.

Хозяйственный констебль тем временем нашел кружку, кинул туда чайный пакетик и сахар, перемешал. Протянул это пойло мне, исполненный чувства гордости.

– Живу один. Вчера вечером пришел со смены, упал в кровать и сразу же отключился. А с утра мне было слишком плохо, чтобы звонить кому-то.

Я медленно пил чай, боясь обжечься. С каждым глотком ко мне постепенно возвращалось чувство реальности.

Головная боль отошла на второй план и стала звучать фоном, словно радио в машине.

– Так что там с Ванессой Уайт? Сэр? – спросил я.

– Детектив-сержант Картрайт, – наконец соизволил пред-

ставиться полицейский с седыми волосами. – Девушка пропала два дня назад, мистер Эридан, 16-го утром о ее пропаже заявили родители.

Я усиленно пытался вспомнить. Ванесса. Кажется, она работала у нас в офисе Aurora Aerospace. Чем же она занималась? То ли секретарша, то ли интерн...

– Она была интерном доктора Флауэrsa, – сержант Картрайт освежил мою память, показав фотографию девушки.

Да, точно, была такая. Низенькая блондинка с носом-кнопкой. Она приносила мне кофе и каждый раз улыбалась. Даже пыталась шутить. Милая девушка. А вот теперь она бесследно пропала.

Меня опять затошнило.

– Так вы узнаете ее, – подсказал констебль.

Я медленно кивнул.

– Есть подозрение, что ее похитил Наблюдатель. Ванесса могла стать одной из его жертв, и если мы не успеем... – начал было юный констебль, но сержант бросил на него испепеляющий взгляд и жестом заставил замолчать.

– Вы найдете ее труп с вырезанными глазами. Да. Я в курсе новостей, – я коснулся висков, словно это могло помочь прогнать боль. – Так при чем тут я?

– Мы опрашиваем всех, с кем она контактировала в последний день на работе, – объяснил Картрайт, – вы с ней работали вместе?

Я поднял на детектива взгляд и мрачно усмехнулся.

– Она приносила мне документы на подпись и кофе. Это считается?

– Вполне. Какие отношения вас связывали?

– Хм. Нейтральные? В смысле, я вообще с трудом различаю всех работающих у нас интернов.

Детектив Картрайт сделал пометку в блокноте. Смайлик там нарисовал, что ли?

– Вы заметили что-нибудь странное в поведении девушки? – продолжил Картрайт, буравя меня взглядом. До чего же неприятный тип. А еще его отвратительный шотландский акцент просто резал слух.

– Ну, кофе был недостаточно горяч, а молочная пенка плохо взбита.

– Это очень важная информация, мистер Эридан, – криво улыбнулся детектив. – Чем вы занимались 15—го и 16—го сентября? – взгляд Картрайта был холодным и колючим.

– 15-го вечером после работы я поехал к сестре и был у нее дома до утра. А 16-го я закончил в десять вечера, закрыл офис и сразу отправился домой. Плохо себя чувствовал, – спокойно объяснил я. – Можете пообщаться с моими коллегами и родными, они подтвердят. Ну и камеры проверьте.

Картрайт поджал губы.

– Спасибо за подробную инструкцию, мистер Эридан, – с сарказмом произнес детектив, – больше ничего не можете вспомнить? Ванесса с кем-нибудь конфликтовала на работе?

– Нет, она очень приятная, общительная девушка, очень хорошо ладит с нашим научным руководителем, профессором Флауэрсом.

– Понятно. Ну, что ж, я свяжусь с вами, если у меня возникнут вопросы, – Картрайт поднялся со стула, констебль поднялся вслед за ним.

– Всегда пожалуйста, – безразличным тоном отозвался я. Полицейские ушли; я закрыл за ними дверь, вернулся на кухню. Этот допрос окончательно меня вымотал. Достал из кармана спортивных штанов телефон.

– Черт, – простонал я в пустоту кухни, – сегодня же встреча...

Профессор Флауэрс попросил меня встретить сотрудника из лондонского офиса Aurora Aerospace. Нужно было провести ему экскурсию по лаборатории, обсудить кучу рабочих вопросов, а под вечер познакомить с мистером Флауэрсом. Я не горел желанием заниматься подобной работой, но Флауэрс настоял. С шефом не поспоришь.

К обеду нужно было как-то привести себя в порядок.

Я бросил в чашку пару ложек растворимого кофе и залил кипятком. Ничего не имею против кофейного суррогата – мне нравится вкус, и к тому же сваренный в турке кофе у меня всегда получается на редкость отвратительным. Плеснул в кружку молока, достал из вазочки засохшее печенье и с огромным трудом заставил себя съесть его. Прихлебывая кофе, я смотрел в окно: дождь усилился, оба яруса

улицы были абсолютно пустынные.

Мне всегда нравилась безумная архитектура Эдинбурга. Город построили на склонах потухшего вулкана, и улицы в центре располагались друг над другом. Мосты соединяли дома и этажи зданий, образуя психоделический лабиринт.

Сегодня от мира остался только дождь и серый гранит: люди исчезли, и вместо них по заброшенным улицам скользили призраки. Я мог различить их размытые, рваные силуэты.

Детектив Картрайт и констебль вышли из подъезда, залезли в потрепанную патрульную машину. Грустно сверкнув фарами, она тронулась с места. Бледно-желтый свет фар растаял во всепоглощающей серости дождя.

Я пил кофе, равнодушно просматривая новости в социальных сетях. Тупо листал картинки. Позвонила мама. Игнорировать было уже невежливо, и мне пришлось ответить.

– Мы с Пейдж через десять минут будем у тебя. Ты в порядке? В офисе сказали, что ты сегодня не на работе.

– Да, специальное задание от шефа, разрешил не приходить. А чего это вы с Пейдж вдруг решили приехать?

– Ну, мы утром пересекались в центре, оказались неподалеку. Звонили тебе, но ты молчал почему-то.

– Забыл телефон в кармане пальто, – соврал я.

– Ну ладно, мы скоро будем, целую.

С матерью мы виделись нечасто. Последнее время я всеми силами старался избегать ее. Ведь мама лучше всех понима-

ла, что со мной происходит. А слушать ее бесконечные нотации было невмоготу. Теперь она, видимо, решила перейти в наступление и заявиться в гости. Готов поспорить, меня сдала Пейдж.

Она видела меня в тот вечер после подключения к «Виа-туру». Зрелище было то еще.

Через десять минут действительно приехали мама и сестра. Маргарет стояла на пороге – как всегда ослепительная, с длинными светлыми волосами, одетая в любимое пальто от Burberry. Пейдж выглядывала из-за ее плеча и строила рожицы.

– Привет! – мама шагнула навстречу и крепко обняла меня. Пейдж вошла следом за ней и прикрыла дверь.

Сестра, по обыкновению, была одета в джинсы, кеды и полосатую кофточку. Маму ее стиль ужасно раздражал, но Пейдж, как и я, уже давно научилась не зависеть от маминого мнения.

Раньше нам приходилось все время соответствовать идеальной картинке. У владельца компании Aurora Aerospace должна была быть потрясающая семья с образованными, приличными детьми. Мы с сестрой и правда закончили престижный университет (она на пять лет раньше, чем я), а потом решили жить собственной жизнью и заниматься тем, что нравится.

Тут я покривил душой, конечно же. Я устроился в компанию отца, но работал под руководством мистера Флауэрс.

А вот сестра ушла совсем в другую область и занялась издательским делом. Периодически нам приходилось сопровождать родителей на светских мероприятиях. Иногда мы получали от них внезапные и дорогие подарки. Наверное, со стороны наша семья выглядела идеально.

Мои гости сняли обувь в прихожей и прошли на кухню. Мама поставила на стол бумажный пакет с едой и как ни в чем не бывало принялась вытаскивать ее.

– Я даже не буду смотреть, что у тебя в холодильнике, наверняка все заросло плесенью, – заявила она. – Почему такой бледный? И у тебя засохшая кровь на подбородке.

Она окинула меня быстрым взглядом, и я понял: она обо всем догадалась.

Пейдж тем временем открыла холодильник и придирчиво изучила содержимое.

– Нет тут никакой плесени, – тоном эксперта заявила она. Сестра всегда приходила мне на помощь.

– Все нормально, мам, просто подхватил какой-то жуткий вирус, – я поежился, обнял себя руками. Да будут благословенны чудовищные безразмерные свитера! В них можно спрятаться от мира и почувствовать себя в тепле и безопасности.

Я неловко переминался с ноги на ногу, пока мама разогревала запеканку с брокколи, а Пейдж заваривала чай.

– Ты снова копался в системе «Виатора», да? – в маминых льдисто-голубых глазах сверкнуло привычное выражение «я

ведь предупреждала!»), – Холден, это же опасно! Мы столько раз тебе повторяли... А, ладно, не говори больше ничего, не хочу тебя слушать! Накрой на стол, пожалуйста.

Я не стал спорить. Мама могла повторять одну и ту же речь до бесконечности.

– Волшебная брокколи, мам, – для подтверждения своих слов я отправил в рот кусок запеканки. – Кстати, ко мне сегодня приезжала полиция. Слышали новости о Ванессе Уайт?

Мама мрачно кивнула.

– Холден, мы беспокоимся...

– Клянусь, я ее не убивал, против меня нет никаких улик! – я широко улыбнулся и развел руками.

– Не смешно, – шикнула на меня сестра. – А если копы узнают о твоих способностях? Они же просто так не отстают.

– Мои способности автоматически делают меня убийцей?

– Холден, достаточно взглянуть на твою энцефалограмму, почитать медицинскую карту, и будет ясно, что с тобой что-то не так! – Пейдж повысила голос. Когда она злилась, она становилась очень похожей на маму. – Ты можешь сломать все оборудование в участке. Взорвать там все лампочки, если тебе не понравится вопрос. Да что угодно!

– Подожди, не надо паранойи... – начал я.

Но мама меня перебила.

– Я уж не говорю про то, что ты регулярно вламываешься в лабораторию.

– Если вам хочется поучить меня жизни, то момент так себе, – меня трясло от гнева, но голос звучал довольно ровно и спокойно, – я помню о мерах предосторожности. Всегда помню.

Мои слова немного охладили пыл Пейдж и мамы. Может, им просто не хотелось ссориться. Вопрос о полиции и «Виаторе» они больше не поднимали.

Весь ланч мы вели ужасно натянутую беседу о последних новостях. Мама рассказала, что через неделю они с отцом едут отдыхать на Майорку; Пейдж поделилась историями с работы. Я слушал их с вялым интересом и размышлял о том, что на клавиатуре подключенного к «Виатору» компьютера могли остаться капли моей крови.

Вчера я действительно остался один в лаборатории. Отключил сигнализацию, зашел в помещение, где находился уникальный аппарат для проведения исследований в космосе и на поверхности планет Солнечной системы.

Застывшая посреди комнаты машина напоминала монстра Франкенштейна из сверхпрочных материалов: двигательная система, новейшие камеры, солнечные панели, спектрометры и антенны. «Виатор» не подавал признаков жизни, все компьютеры подвисли. Наверняка произошла перегрузка системы.

Я подошел к марсоходу, надел перчатки. Провел рукой по его борту, внимательно прислушиваясь. Закрыв глаза.

Разноцветные линии возникли перед моим внутренним

взором. Яркие, сочные, всех цветов спектра, они возникали из тьмы, распадались и соединялись заново, выстраиваясь в схемы и запутанные лабиринты. «Виатор» говорил со мной, раскрывая все тайны своего электронного сердца и мозга. Машина посылала сигнал бедствия.

Я зажмурился и двинулся дальше, пробиваясь сквозь хаотическое мелькание цифр, линий, схем, сигналов и пятен света – я искал источник проблемы. Через мой мозг проходили гигабайты информации. От напряжения из носа пошла кровь.

Спустя несколько мучительно долгих минут я наконец нашел то, что искал. Открыв глаза, я метнулся к одному из компьютеров. Застучал по клавишам с огромной скоростью, исправляя ошибки в программе. Пара капель крови упала на истертую клавиатуру, но я не обратил на это внимания.

Я был погружен в процесс, чувствовал себя творцом, вдыхающим жизнь в груды металла.

Черт, как же я любил это чувство.

Электронный разум «Виатора» ожил, и марсоход стал издавать низкие рокочущие звуки, похожие на урчание кота. Я довольно улыбнулся. Зачем разбирать прибор на части и тратить долгие часы на выявление ошибок в программе, когда можно спросить у самой машины?

Мне было лет семь, когда я узнал о своей способности заглядывать внутрь механизмов и понимать их. Мой мозг был

способен принимать и обрабатывать колоссальные массивы информации. При этом страдало мое тело. У меня случались провалы в памяти, жуткие мигрени, кровотечения. Я мог неделями не вставать с кровати.

Наш семейный врач не стал доносить информацию обо мне широкой общественности: собирать консилиумы, таскать меня по больницам и лабораториям. Он получил за свое молчание неплохую плату!

Родители выложили огромную сумму и различным «экстрасенсам», «магам» и «ведуньям». Ни разу нам не встретился кто-то действительно адекватный. Кто-то, кто мог бы объяснить, почему. Истолковать происходившие в моем организме изменения.

Дети индиго, мутанты, телекинетики: сколько умных, ничего не объясняющих слов.

Просто мой мозг работал так и никак иначе.

Пытался ли я искать похожих на меня людей? Лет в шестнадцать-семнадцать – определенно. Переписывался на многочисленных форумах в интернете, ходил на встречи с подростками, считавшими себя особенными.

Потом я вдруг понял, что такие, как я, участвуют в передаче «Битва экстрасенсов» и тратят полжизни, ведя дискуссии на форумах по оккультизму и мистическим явлениям, пытаясь что-то доказать миру, который не готов их услышать. И однажды я просто... успокоился. В конце концов, быть богом в своем маленьком уютном мирке было гораздо

интереснее.

– Мне пора на работу, – Пейдж с явным облегчением посмотрела на часы, – мам, подбросишь меня?

– И когда ты решишь сдать на права... – мама закатила глаза и смяла салфетку в руках, – мне тебя до старости возить придется?

– Это уж на твое усмотрение. Жаль, у меня велосипед одноместный, а то прокатила бы с ветерком, – сестра улыбнулась и подмигнула маме. Иногда я поражался ее умению не злиться на бесконечные мамины придирки и недовольства. У Маргарет, похоже, не нашлось на это слов, и она просто улыбнулась в ответ.

Я проводил их до коридора. Меня опять знобило. Хотелось вернуться обратно в кровать и не просыпаться лет триста.

– Кстати, Холден, ты читал – твой любимый Стивен Хокинг предсказывает конец света! – поделилась мама, натягивая пальто.

– Интересно, и из-за чего мы умрем на этот раз? Нас засосет в черную дыру? – без особого интереса спросил я.

– Не поверишь, из-за технологий, – в ее тоне мне почудилось завуалированное злорадство, – и это случится очень скоро.

– Стивену грех жаловаться на технологии, – проворчал я, – а версия о восстании машин, прямо скажем, не оригинальна.

Маргарет пожала плечами.

– Ладно, сынок, береги себя, – она снова сжала меня в объятиях. Ее макушка как раз доставала до моего подбородка, – не пропадай, звони мне почаще.

– Хорошо, мам.

– А мы с тобой увидимся на выходных, – Пейдж ткнула в меня указательным пальцем, – мы не можем пропустить эту премьеру, ясно? Все звезды сериалов будут. Давно хотела познакомиться с одним типом, – она загадочно умолкла, стараясь сохранить интригу.

– Спишемся, – я обнял сестру, ощутив вдруг бесконечную признательность. Не знаю, какой была бы моя жизнь без Пейдж. Кем бы я стал без нее. Унылым рафинированным сыном богатых родителей?

– Ага. Кстати, надеюсь, ты не собираешься в этом встречать лондонского коллегу? Помолись всем богам моды и выкинь это чудовище поскорее, – Пейдж подергала меня за край свитера.

– Это ведь ты мне его подарила, – беззаботно напомнил я.

– Правда? Не помню такого, – Пейдж зашнуровала кеды, – ну все, я готова! – объявила она.

– Ура! – мама чмокнула меня в щеку. – Пока, сынок.

Маргарет вышла на лестничную клетку, за ней выскочила сестра.

– Чао, – помахала она мне на прощание.

– Пока-пока, – я улыбнулся им обеим, закрыл дверь.

Странная получилась встреча. И все же я был рад, что мои родные пришли. До приезда парня из Лондона оставалось еще часов пять. Я собирался встретить его на вокзале, потом отвести в какой-нибудь паб и обсудить рабочие моменты. Ближе к вечеру к нам должен был присоединиться мистер Флауэрс. Посещение лаборатории я запланировал на завтра – наверняка коллеге захочется отдохнуть и немного прийти в себя после путешествия. Я вдруг понял, что даже не знаю, как он выглядит. Его звали Тейт О'Хара и общались мы исключительно по электронной почте.

Оставшееся время я потратил на приведение своего организма в чувство. Поспал пару часов, принял душ, побрился. Даже стал похож на приличного человека.

Надел белую рубашку, любимый твидовый костюм в сине-черную клетку и светлый плащ, делавший меня похожим на персонажа детективного сериала. Влез в старые потрепанные ботинки и отправился на вокзал Уэйверли.

Поезд моего коллеги прибывал в 17:00. Я приехал на вокзал за 15 минут. Как обычно, в это время там было полно народу. С трудом лавируя среди людей, я устремился к зоне ожидания под красивым куполом в одном из дальних уголков зала. Купил стаканчик кофе и занял сиденье. Кофе немного отвлекал от навязчивого гула голосов. Я уткнулся в телефон: хотелось найти злополучную новость про Стивена Хокинга. Внезапно телефон завибрировал. Тейт О'Хара.

– Эридан? Здравствуйте. Ну, я на месте. Где вас искать?

– Видите вывеску Costa Coffee, прямо под куполом? Я здесь рядом. У меня светлый плащ, если что.

– Ага. Сейчас будем.

Я поднялся и подошел поближе к кофейной палатке, начал высматривать Тейта в толпе.

Кто-то едва ощутимо тронул меня за плечо, и я вздрогнул от неожиданности.

– Холден? Я Тейт О’Хара, – я и опомниться не успел, как мне уже протягивал руку высокий темноволосый парень. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу девушка в джинсах с цветочным принтом. Сестра что ли?

– А, да, привет, – я автоматически пожал протянутую руку, – рад наконец увидеться вживую. А вы, мисс... – обратился я к девушке.

– Андела, я жена Тейта, – она улыбнулась и тоже пожала мне руку.

Интересно, ей есть восемнадцать? Андела выглядела очень юной с волосами, собранными в неряшливый пучок, и в футболке Star Wars. Они с Тейтом настолько нелепо смотрелись вместе, что это можно было счесть милым. Я представлял себе коллегу как безликого менеджера в черном костюме. А в реальности увидел обыкновенного молодого человека в джинсах, фланелевой рубашке и ветровке.

– Предлагаю немного прогуляться и посидеть в пабе. Позже к нам подъедет мистер Флауэрс. А завтра уже в лабораторию, – я повертел стаканчик в руках, – как вам такой план?

– Отлично. Думаю, пару часов посидим, а потом поедem в отель. Или погуляем? – Тейт обратился к девушке.

Она нервно дернула плечами.

– Не знаю, давай сначала в паб, по ходу дела разберемся, – предложила она.

– Тогда можно пойти в Guildford Arms. Нам сюда, – я повел ребят к выходу из вокзала.

– О, это здорово, он входит в десятку лучших пабов с крафтовым пивом! – Андела одобрила мой выбор. – А вы, мистер Эридан, чем занимаетесь в компании? Выслеживаете шпионов? – полюбопытствовала она.

Я усмехнулся.

– Ну, что-то вроде. Слежу, чтобы никто не украл наши технологии.

– Ясно-ясно, – бодро отозвалась она.

Однако я почувствовал: девушку что-то очень сильно тревожит. Она всеми силами старалась это скрыть и вести себя как обычно. Тейт взял ее за руку. Они шли за мной, оба погруженные в свои мысли. Тогда я подумал, что виной тому банальная усталость. Путь к вокзалу, четыре с половиной часа в поезде...

Ничего подобного. Эти двое привезли с собой тайну. Медленно и незаметно их тайна окутала и меня.

3. Кай

Сыр! Я люблю сыр. Нет ничего прекраснее сыра. Он лежит на тарелке, нарезанный аккуратными кубиками. Тут тебе и дорблю, и пармезан, и бри, и камамбер. Еще пара сортов с непроизносимыми названиями. Все это великолепие подано с виноградом, медом и помидорками черри.

Вот за это я люблю работу «в полях». Главное – пережить переговоры: переводишь, переводишь всякую чушь, а потом можно с чистой совестью идти на банкет и пробовать все подряд.

Еще здесь наливают вино. Терпеть его не могу, но португальское винью-верде – «зеленое вино» – мне нравится. Пьешь, а потом вдруг понимаешь, что у тебя отказали ноги. Отличный эффект, то что нужно. Важно встать поближе к блюду с мясными деликатесами, а то их быстро разбирают. Лучше жевать хамон, чем общаться с гостями. И делать вид, что усиленно жуешь, иначе пристанут с расспросами. Захотят пообщаться, завести бессмысленный разговор. Нет уж, спасибо. Я здесь не за этим. В нашем переводческом бюро не хватает сотрудников, которые могут осуществлять синхронный перевод, вот меня и отправили работать на мероприятии.

Обычно я перевожу только тексты. Письменный перевод предполагает максимальную изоляцию от людей – это мне

подходит. Я работаю из дома. Иногда мне звонит начальник с криками о помощи, и приходится ехать на очередное Очень Важное Событие: выставку, встречу, саммит, банкет, гала-вечер, бизнес-ланч или еще что-нибудь из этой серии.

Забавно, что я стал переводчиком. Моя бабуля была итальянкой, и я с детства говорю по-итальянски. Поэтому перевод для меня – легче легкого. Я закончил университет дистанционно (с моим ритмом жизни вставать по утрам было невозможно). Именно из-за учебы я поругался с родителями. Это было давно, но не общаемся мы до сих пор. Список взаимных претензий стал слишком длинным, а никому из нас идти на компромисс не хочется.

Теперь я живу в пригороде Эдинбурга, с дедом. Он прославленная фигура в научных кругах, руководит проектом по запуску марсохода. Лучи его славы на меня никак не распространяются. Да и переводчик я, скажем честно, довольно посредственный. Зарабатываю достаточно, чтобы хватало на жизнь. Еще у меня есть небольшая подработка в интернете, но об этом моим коллегам по переводческому бюро знать не обязательно.

– Как вам эти канapé с вялеными томатами? Выглядят не очень, но, может, попробовать? – миловидная брюнетка в розовом пиджаке подошла ко мне и ткнула пальчиком в блюдо с закусками. У нее был легкий акцент. Я видел ее на встрече партнеров – она, кажется, секретарь сеньора Кавалли, главы маркетинговой службы PonteVecchio. Эта

компания производит мегасуперэлитную мебель (по-моему, у них даже в рекламных буклетах так написано. Мегасупер-элитная, ха).

– Ну, не такие вкусные, как у вас на родине, но сойдет, – улыбнулся я, – ваши британские партнеры старались как могли.

– Неужели сами вырастили и высушили на солнце? – девушка взяла с тарелки канапе и отправила в рот. – Вкусно! – через пару мгновений вынесла она вердикт.

Вот чем я занимаюсь на банкетах. Веду интеллектуальные дискуссии о вяленых томатах. Очень кстати мимо проходил официант с полным подносом бокалов. Я взял винью-верде. Еще пара бокалов – и этот разговор перестанет быть настолько идиотским.

– Мистер Флауэрс, с вами хотел поговорить сеньор Кавалли, – ко мне подбежал взъерошенный сотрудник PonteVecchio – было заметно, что он весь вечер носился по поручениям шефа и не мог даже перехватить пару-тройку канапе, – он в переговорке. Подойдите к нему, пожалуйста!

– Дела, дела, – обратился я к девушке в розовом пиджаке.

– Удачи! Надеюсь, еще увидимся, – мило улыбнулась она.

Скорее всего, нет, но я не стал ее расстраивать. Взъерошенный парень проводил меня в переговорку и с явным облегчением закрыл за собой дверь. Я остался в кабинете наедине с сеньором Кавалли.

– А, сеньор Флауэрс, – мужчина расплылся в улыбке, –

садитесь! Вот сюда, ага.

Я уселся на предложенное место, рядом с Кавалли. Перед нами на столе для переговоров расположилась бутылка скотча. Я покрутил в руках бокал, потом выпил залпом. Пора было переходить к тяжелой артиллерии. Все-таки бесплатная выпивка – несомненный плюс подобных мероприятий!

– Спасибо за отличную работу, вы прекрасно справились, – Кавалли разлил скотч по стаканам. Что-то должно было меня насторожить: глава маркетинговой службы решил выпить с переводчиком, такое происходило нечасто. – Не рассматриваете работу в иностранной компании? У вас прекрасный итальянский, почти как родной. У вас ведь есть родственники в Италии, верно?

Я молча наблюдал за его мимикой. Невысокий холеный мужчина неопределенного возраста. С внешностью постаревшего порноактера. Густые темные волосы с проседью, очки в тонкой оправе, костюм от Armani.

Я зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Сеньор Кавалли, спасибо за добрые слова и предложение, но я не могу согласиться. Мне нравится работать в родном городе, к тому же, нужно помогать бабушке, – я потянулся к стакану и, не дожидаясь приглашения, сделал глоток.

Отличный скотч. Молодцы партнеры, не поскупились.

– Как печально, – все так же приторно улыбнулся Кавалли, – давайте тогда просто выпьем за удачные переговоры: они состоялись благодаря вам!

Мы чокнулись, и я выпил оставшийся скотч залпом. Неплохо, неплохо. Главное, чтобы потом я мог нажать иконку мобильного приложения для вызова такси.

– Вы так и не ответили на мой вопрос. У вас есть родственники в Италии?

Дались ему мои родственники! Как будто я не понимаю, к чему все это идет. Спросил бы уже прямым текстом, зачем все усложнять? Меня едва не сбивало со стула потоком его эмоций. Алчность, азарт, вожделение. В основном – вожделение.

Следующий стакан скотча. До чего же приятное чувство... Еще пара стаканов, и пора делать ноги.

– Моя бабушка – из Флоренции. Они с дедушкой познакомились в галерее Уффици, представляете? Как в кино.

– О, правда. Флоренция, город романтики...

Его ладонь мягко опустилась на мое колено. Я сделал вид, что ничего не заметил. Ладонь была горячее, как он не прожег мне штаны, интересно? Ладонь поползла выше.

Неприятно, но ожидаемо. Иногда подобного рода инциденты случались.

Я налил себе скотча, быстро выпил. А потом, дружелюбно улыбнувшись, заявил:

– М, сеньор Кавалли, разговор зашел куда-то не туда. Спасибо за скотч, мне пора идти!

Я поднялся со стула. Кавалли пришлось отдернуть руку. Он был явно разочарован, но лица при этом не потерял.

– Что ж, жаль! Вечер мог бы получиться интересным. Рад был с вами поработать, – меня обдало жаром его ярости, – если передумаете, вот моя визитка.

Он поднялся, подошел очень близко. Сунул мне в карман джинсов визитку, не отводя взгляда. Да господи боже мой, неужели во всем Эдинбурге не нашлось больше претендентов на роль «личного переводчика» этого мерзкого типа?

Выдавив из себя дежурную улыбку, я выскочил за дверь. Хотелось заехать ему по зубам... но пришлось сдержаться, черный пиар мне совершенно ни к чему.

Я устремился прочь из конференц-зала мимо недоеденного сыра и хамона. Вот по ним я точно буду скучать. Гости провожали меня равнодушными взглядами. Всем плевать. Никого не волнует, чем занимается сеньор Кавалли на досуге.

Настроение было так себе (главным образом меня расстроило, что не удалось попробовать десерт). Погода была под стать – мутная, туманная и мрачная. Накрапывал дождь, и Принсес-стрит выглядела неприветливо. Люди неслись по своим делам, почти сбивая друг друга с ног. Вдалеке виднелся силуэт неоготического монумента Скотта – в туманной дымке он казался вырезанным из черной бумаги. Туристы фотографировали город из-под зонтов. Что ж, ребята, вам повезло увидеть хрестоматийную мрачную Шотландию.

Я застегнул пиджак, накинул капюшон толстовки и зашагал вверх по Принсес-стрит. Ноги просто несли меня вле-

ред. Хотелось, чтобы гадкий аромат этого мероприятия смыло дождем. Но вместо этого дождь просто капал мне на нос.

Честно говоря, я не фанат работы с людьми. Нет, я не мизантроп и не социофоб. Просто ощущать чужие эмоции – довольно бесполезный и неприятный навык. Хотя, пожалуй, я смог бы работать консультантом в полиции. Указывать, когда подозреваемый врет. Только вакансии штатного экстрасенса у них вроде бы не предусмотрена (а может, я просто давно не обновлял свой аккаунт на сайте по поиску работы).

Самое печальное, что люди почти не радуются. Их эмоциональный диапазон ограничен в основном негативом. Они почти не радуются, вот и все.

Это меня расстраивает. Мне хотелось бы, чтобы люди были похожи на случайных туристов – их, как правило, переполняет восторг. Это приятно. В такие моменты я радуюсь вместе с ними, вижу город их глазами. Иногда я встречаю счастливые влюбленные пары. Я, как наблюдатель, подсматриваю эмоции, греюсь в лучах света. Но их эмоции мне не принадлежат, и слава богу.

Кеды полностью промокли за пару минут. Сумка натерла плечо. Да что сегодня за день такой! Выругавшись сквозь зубы, я прибавил шаг.

Я дошел до монумента Скотта и свернул на Реджистер стрит. В одном из переулков притаилась забегаловка Pret-a-manger. Зашел выпить чаю. Я совсем замерз, и настроение было паршивым. Заказал чай, круассан с ванильным кремом

и пристроился подальше от окна. Достал телефон, проверил инстаграм. Последняя фотография набрала уже тысячу лайков, как круто. Да я звезда!

Лет в семнадцать я поймал очень тяжелый грипп и попал в больницу. Когда мне немного полегчало и я уже мог передвигаться, меня потянуло бродить по территории больницы. В один из дней я выбрался на крышу. Залез на самый край и стоял там, глядя на раскинувшийся вдали парк. Смотрел на крыши города. Я видел только солнце и силуэты – почти как на картинке. Идеальный нарисованный город из книги сказок.

Здесь, на высоте, было спокойно. Здесь было тихо и правильно. Весь мир казался маленьким и неопасным. Это ощущение высоты оказалось слишком прекрасным, чтобы от него отказываться.

У моего инстаграма около ста тысяч подписчиков. Там нет моих селфи, зато есть фотографии с разнообразных крыш – домов, высоток, башен, замков. Снимки с вышек и мостов – словом, со всех высоких мест, до которых я смог добраться.

Многие говорят, что меня манит адреналин. Но это не так. Меня притягивает ощущение спокойствия, которое возникает, когда смотришь на мир с высоты. Ветер треплет волосы, сердце бьется чаще, и кажется, что нужно так мало, чтобы взлететь.

До появления инстаграма я вел свой блог в сети. А сейчас достаточно иметь смартфон и подключение к мобильному

интернету, чтобы всегда оставаться на связи с аудиторией.

Я спокойно жевал свой круассан и просматривал ленту в инстаграме. Внезапно раздался звонок шефа. Я доложил, что встреча закончилась.

– И кстати, – весело сказал мистер МакКиннон, – все так довольны твоей работой, особенно сеньор Кавалли.

Очень сомневаюсь, но ладно. Здесь мы входим на неизведанную территорию «профессиональной этики» и «позитивной обратной связи».

– Можешь не возвращаться в офис, – продолжил шеф, – пока!

Надо же, как его взбодрил сеньор Кавалли. Хотя бы одной проблемой меньше. Теперь можно со спокойной совестью зайти в Guildford Arms, повидаться с Инеш.

Какая-то девушка написала под фотографией с колоннады Исаакиевского собора в Петербурге очень эмоциональный комментарий: «Хватит с нас фотографий города и ботинок, мы хотим селфи!!!»

Ого, это прямо крик души.

Я убрал телефон в карман и подумал, что будет, если и правда выложить свою фотографию. Равнодушных не останется. Я создал вокруг своего аккаунта ореол таинственности – он избавлял меня от множества проблем. Например, не вступать в прямое взаимодействие с людьми. Я мог просто делиться с ними увиденным, показывая мир с необычной, неожиданной стороны (и высоты!).

Круассан оказался очень вкусным, и я смел его в два счета. Потом допил чай и направился в паб к Инеш.

Рабочий день закончился и паб постепенно начинал наполняться посетителями. Внутри было очень уютно: большие окна, деревянные панели на стенах, круглые столики. Я подошел к барной стойке. Инеш как раз наливала пиво клиенту. Заметив меня, она кивнула. Я устроился на высокий стул напротив бара и принялся ждать, когда подруга освободится.

С Инеш мы познакомились на крыше небоскреба Shard London Bridge. Мы влезли туда за пару месяцев до его официального открытия. Нашли друг друга в интернете, списались, договорились о встрече. Задача была рискованной, но мы справились. На пути нам встретился всего один охранник, мимо которого удалось прошмыгнуть. По лестничным маршам мы поднялись на 70-й этаж.

Тогда Инеш призналась мне, что только на высоте она чувствует себя по-настоящему живой. Я знал, что восторг и страх высоты помогают ей на время забыть об унынии и ощущении загнанности.

Весь Лондон раскинулся перед нами – бесконечный неоновый лес светящихся рек, деревьев и цветов. Мы молчали. В этом мире не осталось никого, кроме нас, потерявшихся в городе незнакомцев. Было круто. С тех пор мы с ней подружились и периодически проводили время вместе.

– Хочешь чего-нибудь? – голос Инеш вернул меня к ре-

альности, – есть пара минут поболтать, пока народ не набежал.

– Привет. Чаю сделаешь?

– С тобой все в порядке? – девушка вопросительно изогнула бровь. – Ничего не перепутал?

– Эрл грей. С молоком и сахаром, – улыбнулся я.

Инеш не удержалась от ехидного смешка, но все-таки приготовила мне огромную кружку. Встала напротив меня, скрестила руки на груди. Она была очень красива: невысокая, с женственной фигурой и потрясающими волосами, падавшими ей на плечи мелкими непослушными кудряшками.

– Давненько тебя не видела. Вылез из берлоги наконец?

– Ага, я тут работал неподалеку. На исторической встрече производителей мебели.

– Звучит очень захватывающе. Судя по твоему лицу, прошло просто прекрасно. Давай, друг дорогой, рассказывай уже.

– Да нечего рассказывать, скука смертная.

– Понятно, – кажется, Инеш мне не поверила. – Чего желаете? Портер? Один момент, – девушка метнулась к подошедшему гостю. Через пару минут она объявила:

– Я снова здесь. К слову, какие у тебя планы на вечер? Оставайся, я скоро закончу смену, и можем по набережной проехаться на великах. Как в старые-добрые.

Я протестующе махнул рукой.

– Совсем старый стал, перспектива гонять ночью под до-

ждем меня совершенно не вдохновляет. Лучше скажи, ты на выходных занята?

– Засядем дома и устроим сериальный марафон? Посмотрим. Слушай, Кай, я тут наткнулась на сообщество в инстаграме, subway_angels называется, – продолжила Инеш, – готова поспорить, несколько фотографий были твоего авторства. Ты случайно не начал снова искать эти... зоны?

– Все фотки в этом аккаунте – чертов фотошоп. Нет никаких доказательств, что они настоящие.

Честно, мне бы так хотелось рассказать ей. Но одно дело – верить в Пограничные зоны и искать их, а совсем другое – точно знать, что они существуют.

И знать, какие существа оттуда приходят.

Инеш окинула меня долгим взглядом. Покачала головой.

– Ты чего-то не договариваешь. Точно все нормально?

– Да, все прекрасно.

– Ну ладно, – недоверчиво согласилась Инеш.

– Как ты? Ученики не замучили?

Она неопределенно махнула рукой. Инеш преподавала на курсах португальский язык, и частенько это оказывалось тем еще испытанием.

– Просто я сегодня исчерпал свой лимит общения с людьми, – признался я, – но на тебя это не распространяется!

– По тебе заметно, – подтвердила она, – ну так давай, домой поезжай, чего тут засел? Добрый день, как дела? – вы-

ражение ее лица изменилось, когда к бару подошла группа ребят, явно туристов.

– Какие сорта крафтового пива посоветуете? – запинаясь, спросил самый смелый из них.

Инеш начала лекцию об ассортименте паба, а я допивал свой чай.

– Пойду, пожалуй, – я поймал извиняющийся взгляд Инеш. Она кивнула: «Спишемся вечером». Я слез со стула и устремился в уборную.

По дороге туда столкнулся с какой-то девчонкой в футболке Star Wars. Меня обожгло ее страхом – редко люди так боялись! Это был страх перед неизведанным. На секунду я замер и посмотрел ей вслед. Почему-то хотелось остановить ее и поговорить. Как странно... Меня редко посещали подобные идеи. В смысле, пристать к незнакомому человеку с расспросами о его эмоциональном состоянии. «Добрый день, я чувствую, что вы чем-то расстроены, не желаете об этом поговорить?» Бред какой.

Я тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение. Потом отправился по своим делам. Краем глаза я заметил свое отражение в зеркале. Из общей массы однотипных хипстеров меня выделяло... Да ничего не выделяло.

Я выглядел как несчастный студент во время сессии: кудрявые каштановые волосы сильно отросли, глаза наполнились вселенской тоской.

Потом я вспомнил, что был сентябрь и учеба только нача-

лась. До сессии бедным студентам еще жить и жить. Неудачное сравнение!

До вокзала я добрался минут за пятнадцать. Сел в автобус до городка Рослин. Достал наушники, включил The Killers. Хотелось чего-нибудь бодрого, и я выбрал альбом «Day and Age». Автобус мягко тронулся с места, и мы, наконец, поехали домой.

Небо за окном приобрело странный фиолетово-сизый оттенок – словно расплзавшийся по коже синяк. Размытый мир проплывал вдоль дороги, смазанный и растушеванный, казавшийся нарисованным. Крупные капли дождя разбивались о стекла, причудливыми узорами растекались по поверхности.

Через пару остановок в автобус проникли призрачные существа, питавшиеся воспоминаниями. Они походили на Безликого монстра из мультфильма «Унесенные призраками». Высокие сгорбленные фигуры в черных лохмотьях. Головы их украшали ветвистые призрачные рога. Огромные пустые глаза без зрачков, широкие пасти, усыпанные мелкими острыми зубами. Твари уселись позади пожилой парочки, протянули к ним свои тоненькие узловатые ручонки.

Человеческая память наполняла их жизнью. Делала сильнее, помогала продлить их странное, лишенное всякого смысла существование в нашем мире.

Один из призраков заметил меня. Обернулся, посмотрел на меня своими черными безэмоциональными глазами.

А потом отвернулся и вновь приступил к трапезе.

Они заберут у старичков совсем немного. Встреча с призраками никак им не повредит. Просто забудут пару эпизодов из своей жизни.

Я бросил взгляд в окно.

Сколько я уже видел?

Демоны-паразиты, пившие отведенное человеку время; охотники на сны; ангелы подземки; Тысячеглазые; Безликие; мимы. Десятки тварей, которые стали частью привычного мира.

The song maker says: «It ain't so bad»

The dream maker's gonna make you mad The spaceman says:
«Everybody look down It's all in your mind»

В плеере звучала замечательная веселая песенка «Spaceman». Серьезно, старина Брэндон, ты не шутишь? Слова «Все это в твоей голове» казались насмешкой с его стороны.

Я накинул капюшон, закрыл глаза.

Монстры никуда не исчезли, я знал. Они будут кататься по этому маршруту, пока не насытятся. Что с ними произойдет потом? Уже неважно. Я ничего не могу сделать. Я могу только смотреть. И это бесит.

Автобус затормозил на нужной остановке, я выбрался из салона, огляделся. Воздух в поселке был чистым и свежим, пахло осенью и лесом. Поправив сумку, я зашагал от остановки домой.

Спустя пару минут я был на месте. Наш дом стоял особняком; он выглядел немного неопрятным, но зато уютным. Его стены оплетали побеги плюща, над крыльцом висел фонарь, а вокруг буйно рос декоративный кустарник.

Вошел в прихожую, скинул наконец промокшие кеды. Из глубин дома доносились раскатистые звуки мантры «ОМ». Резко пахло ароматическими палочками.

– Нонна? – позвал я. – Бабушка, ты тут?

Я вошел в гостиную. На коврике в самом центре комнаты в позе лотоса сидела моя бабуля. Свои длинные седеющие волосы она заплела в косу. На ней была ее любимая форма для занятий йогой: фиолетовые леггинсы и футболка радужной расцветки. Фигуре моей бабушки могли смело завидовать молодые девушки. В отличие от нас с дедом, она всегда следила за своим здоровьем и физической формой.

– Я тебя вижу, – не открывая глаз, сообщила Нонна. Вообще-то, бабушку звали Феличиана, но я называл ее Нонна – «бабушка» по-итальянски.

– Привет, – я забрался в кресло, по обыкновению уселся на подлокотник, – что на этот раз, сандал и пачули? – я помахал перед собой рукой, разгоняя дым от палочки.

Бабушка приоткрыла один глаз.

– Сандал и ваниль. Нравится?

– Нууу, это лучше, чем предыдущие, тошнотворно сладкие. У дедушки от них потом весь день голова болела.

Нонна осторожно выбралась из позы лотоса, выключила

«ОМ» и, обернувшись ко мне, сказала:

– Дедушка эти палочки ненавидит как класс. Ну что, чаю выпьем? Как все прошло?

– Давай.

Мы пошли на кухню, и Нонна разлила чай по чашкам.

– Как прошел день? – повторила вопрос бабушка. – Я думала, ты позже вернешься. Ну и более веселым, – усмехнувшись, прибавила она.

– Да идиотский какой-то день, – я потер висок. Голова начала болеть. – Клиент попался специфический. – Я опустил подробности работы с сеньором Кавалли и историю о встрече с монстрами в автобусе. Бабушка спокойно выслушала мой крайне унылый рассказ о работе, МакКинноне и разговоре с Инеш.

После окончания школы мы с другом поехали в США. У нас была мечта: путешествовать в стиле road movie, переезжая из города в город. Мы фанатели от книг Стивена Кинга, «Секретных материалов» и прочих мрачных мистических историй о жизни в маленьких американских городах. Это был очень странный год. Мы действительно исколесили всю Америку. Работали на лесопилках, автозаправках, играли на гитаре в переходах Нью-Йорка и толкали дурь в Сан-Франциско. Мы воплощали знакомые сюжеты в жизнь, представляли себя персонажами прочитанных в детстве книг.

Однажды, проснувшись ранним утром в машине где-то на краю жуткого леса в штате Орегон, я увидел то, чего ви-

деть совершенно не хотел.

Сумрачный лес перед моими глазами вдруг ожил. Среди деревьев один за другим возникали зеленоватые огни святого Эльма: они вспыхивали и гасли, пульсировали потусторонним светом. Вслед за ними появились и другие обитатели леса, казавшиеся полупрозрачными и размытыми в неверном свете огоньков. Эти создания могли быть только плодом больного воображения: нелепые, страшные, гротескные, похожие на монстров с картин Иеронима Босха, чересчур яркие или почти бесплотные – они выходили из чащи леса и вереницей устремлялись вслед за огоньками. От их безмолвной процессии веяло тоской: словно потерянные дети, они брели куда-то без надежды отыскать дорогу домой. Существом ничего не интересовало. Они угрюмо пересекали проезжую часть в паре метров от машины и скрывались в лесу по ту сторону дороги.

Я смог перевести дыхание, лишь когда загадочный bestiary растворился в сумраке наступавшего утра. Джо по-прежнему безмятежно спал, а меня от страха начало лихорадить. Я пересел за руль и трясущимися руками повернул ключ зажигания. А потом рванул с места и поехал прочь от проклятого леса.

Через пару дней я вернулся домой, в Лондон.

Тогда я еще не осознавал, что увидел часть истинного мира. Неотредактированного, не улучшенного фильтрами в инстаграме.

Джо остался в Америке. Нашел там какую-то работу вроде бы. После этого путешествия мы перестали общаться. Думаю, виноват был я: чувствовал, что схожу с ума, и отгородился от всех своих родных и друзей. Именно в тот период я поругался с родителями, завалил экзамены в университет и ударился во все тяжкие.

Я просто не мог принять тот факт, что видел этих тварей. Естественно, я искал ответы. Изучил кучу форумов и сайтов в интернете, переписывался с «просветленными», даже исподтишка спрашивал совета у бабушки.

Но информации было чертовски мало, понимаете?

Я даже к психологу ходил. Думал, у меня и правда едет крыша.

Ничего подобного.

Со мной все было в полном порядке.

– Тебе надо заняться йогой, – тоном опытного эксперта изрекла Нонна, – снять напряжение. Наверняка перенервничал на этих ужасных переговорах, – она взяла чашку обеими руками и поболтала в ней чай, – и ложись спать пораньше.

Неплохая идея! Меня и правда клонило в сон, хотя было около восьми часов вечера.

– Согласен с тобой, – допив чай, я поднялся, обнял бабушку и поцеловал ее в щеку, – пойду приступлю сразу ко второму пункту плана – лягу спать.

– Правильно, – она взъерошила мне волосы, а потом ощутимо похлопала по спине. – Когда Норберт вернется, не зна-

ешь? Он что-то не звонит.

– У него встреча, наверное, занят, – я ополоснул чашку водой из-под крана и поплелся на выход.

– А, ну хорошо. Надо в гостиной проветрить, что ли...

Я поднялся на второй этаж, толкнул дверь в библиотеку. Я спал в библиотеке. Эта комната всегда казалась мне самой уютной и безопасной.

Вдоль стен располагались огромные книжные стеллажи, доверху забитые книгами. На полках были расставлены модели космических кораблей, шаттлов, луноходов, а под люстрой висел мобиль в виде макета солнечной системы. На двери болтался плакат с Доктором Кто.

Мой диван пристроился под стеллажом, забитым научной фантастикой вперемешку с энциклопедиями и книгами о животных. Все никак не доходили руки навести здесь порядок. Мне нравился этот книжный хаос. Среди книг я чувствовал себя очень спокойно.

Я быстро разделся, натянул домашнюю футболку и залез под одеяло. Долго наблюдал за тем, как раскачивается мобиль под потолком.

Из головы почему-то не шла девушка с испуганным взглядом. Она напомнила мне о днях, когда я только пытался осознать случившееся в оregonском лесу.

Если она столкнулась с чем-то подобным – что ж, я ей искренне сочувствую.

Какие там выделяют стадии принятия неизбежного? От-

рицание, гнев, торги, депрессия, принятие? Очень надеюсь, что ей все же не придется их проходить.

И да пребудет с ней Сила, честное слово.

4. Андела

В прошлом году площадь Сент-Эндрюс была украшена инсталляцией Брюса Манро «Поле света». Тысячи акриловых трубок, напоминающих стеклянные одуванчики, усеивали площадь, светились изнутри при помощи оптического волокна. Действительно, целое поле экзотических неоновых цветов.

Мы никак не могли уйти оттуда. Просто не могли. Я измучила свой фотоаппарат, телефон и Тейта – заставляла его фотографировать меня на фоне светящихся лампочек-цветов. Это был удивительный вечер. Эдинбург теперь ассоциировался у меня исключительно с «Полем света». Помните, как было в фильме «Аватар»? Сияющая река света, единый живой мир, где все связано. Растения и цветы светились в темноте, дышали в унисон с героями. Мы угодили в неоновый лес в центре старинного города, среди гранитных стен которого обитала магия. Как можно было остаться равнодушным?..

– Мы проводим финальный этап испытаний, – голос профессора Флауэрс вернул меня к реальности, – завтра сами все увидите в лаборатории.

Энергии этого пожилого джентльмена с лихвой хватило бы, чтобы запустить как минимум десяток «Виаторов».

– Отлично. Как вы оцениваете возможности по транспор-

тировке? Совет директоров хочет, чтобы мы участвовали в крупнейших выставках – Ганновер Мессе, Ле Бурже, Фарнборо... – начал Тейт.

– Сомнительное предложение, – перебил его Холден. Этот тип производил очень странное впечатление, причем скорее неприятное. Взъерошенные светло-рыжие волосы, бледная, усыпанная веснушками кожа, безумные льдисто-голубые глаза, острые скулы, большой некрасивый рот. Его движения казались резкими и дергаными, как будто он плохо владел собственным телом и не понимал, как располагаться в пространстве. – Вы представляете себе расходы на транспортировку?!

– Эридан, это не мое решение, а в первую очередь вашего отца и остальных членов совета директоров. Они ставят рекламу превыше всего. Проект международный и стратегически важный, – Тейт развел руками, – учредители хотят видеть, куда уходят их деньги.

Мистер Флауэрс раздраженно фыркнул.

– Посмотрим, что можно сделать. Вы готовы заняться логистикой? У нас в штате таких сотрудников нет. То есть мы занимаемся непосредственно наукой, если вы понимаете, о чем я... – прохладно заметил профессор.

Он задумчиво потер седую бородку, словно вопрос логистики был одной из неразрешимых проблем мироздания.

– Да, я здесь как раз по этой причине, нести науку в массы, – не сказать, что Тейт был доволен отведенной ему ро-

люю.

Господи, какая скукота. Этот разговор казался бесконечным – они гоняли по кругу одну и ту же мысль. Профессор Флауэрс пытался самоутвердиться за счет рядового менеджера, а Холден переживал исключительно за аппарат.

А мои мысли были заняты сидром и инсталляцией Брюса Мунро, которую в этом году разместили на площади перед собором святого Джайлса. Я видела фотографии: эффект был космический. Хотелось схватить Тейта за руку и сбежать. Судя по его выражению лица, его посещали те же мысли. Голос Тейта становился все более ровным и безэмоциональным – верный признак того, что он едва сдерживал раздражение.

– Ну, предлагаю встретиться завтра у нас на кафедре часов в девять и оценить масштабы бедствия, – к моему удивлению, эта здравая мысль принадлежала Холдену. – Вынужден вас покинуть, – улыбнулся он. Ну, хоть улыбка у него была обаятельная. Только меня все не покидало ощущение подвоха. Холден, похоже, ужасно спешил поскорее смыться (в этом я его поддерживала). Профессор Флауэрс тоже не стал настаивать на дальнейшем заседании в пабе.

Мы собрались, обменялись дежурными любезностями и наконец разошлись каждый по своим делам.

Мы с Тейтом прибавили шагу и устремились на Королевскую милю. Хотелось размяться и подышать свежим воздухом. И поговорить о чем-нибудь, кроме работы.

– Они меня утомили, – пожаловался Тейт, – с учеными всегда тяжело, куча гонора и полная оторванность от жизни.

– Этот Холден нас практически спас, – признала я.

– Да. Вроде бы неплохой парень. Странный немного, но с кем не бывает. Пойдем к собору Джайлса? А потом уже в отель. Рюкзак тяжелый.

– Ладно, ладно.

Площадь перед собором мерцала всеми оттенками сиреневого и лилового, мягко переливаясь в более холодные голубоватые блики. От открывшегося зрелища у меня перехватило дыхание. Готический собор утопал в сиянии и выглядел волшебным замком королевы фей, внезапно материализовавшимся посреди города. Повсюду были люди: они фотографировались на фоне собора, фотографировали его, с помощью макросъемки делали снимки акриловых трубок-одуванчиков. Я потянулась в карман за телефоном, но... фотографировать мне совершенно не хотелось. История со вчерашним снимком отошла на задний план, но мерзкое ощущение тревоги осталось. Поэтому мы просто сели на ступеньки собора. Тейт обнял меня за плечи. Я знала, что он устал. Мысли его блуждали где-то, он хмуро смотрел на усеянную святающимися лампочками площадь.

– Слушай, Тейт, ты же вчера искал информацию о той фотке?.. – слова сорвались с губ помимо моей воли. Все-таки я должна была знать. Всем сердцем не хотела, но...

– Да, а ты сомневалась? – усмехнулся Тейт. – Есть парочка

форумов, где пишут про Пограничные зоны и выкладывают всякие жуткие фотографии. У них даже свой инстаграм есть, subway_angels.

– И что там?

Тейт окинул меня внимательным взглядом.

– Энди, ты уверена, что хочешь знать? Не уснешь ведь сегодня, – мягко улыбнулся он.

– Хочу, расскажи мне. Но пока не показывай, – я поморщилась, словно съела нечто очень кислое.

– Там фотографии Пограничных зон и разные монстры под хэштегами. Очень мило выглядит. Например, #тысячеглазые, #осторожнозаброшеннаяцерковь, #жуть, #будьтевнимательны и так далее. Я не знаю, насколько это все достоверно, может, половина фоток сделана в фотошопе, – Тейт обнял колени руками, – но, честно говоря, у меня по спине мурашки так и бегали, пока я просматривал ленту...

– Что такое Пограничная зона?

– На форуме так называют пространство, где ткань между реальностями очень тонкая, а параллельные миры смешиваются, перетекая друг в друга. Напоминает слои в фотошопе: вот есть один слой, а за ним может скрываться еще несколько.

– Или как «Квадрат Малевича», – пробормотала я. – Ну, там под квадратом нашли еще одну картину, которую художник решил закрасить.

– Если я правильно понял из истеричных постов пользователей и их бесконечных дискуссий – да, нечто в этом роде, – кивнул Тейт, – в любом случае, я бы не стал воспринимать все слишком серьезно. Знаешь форум SCP Foundation? Выдумка и фанатское творчество, а ведь веришь им на сто процентов!

– Но ты же видел фотографию и знаешь, что она настоящая, – произнесла я. Почему-то говорить об этом здесь, в центре Эдинбурга, среди людей и огней инсталляции «Поле света» было совсем не страшно.

– Я же говорил, иногда людям удастся сфотографировать призраков. Почему нет? Вполне может быть. Я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю, у меня слишком мало фактов, – Тейт зевнул, прикрыв рот ладонью, – пойдем в отель? А то я сейчас прямо тут, на ступеньках усну.

Я молчала. Да, возможно, он прав. Но что, если люди из сообщества `subway_angels` тоже правы и этот мир – совсем не то, чем кажется?

– Совы не то, чем кажутся, – Тейт словно прочитал мои мысли и процитировал фразу из сериала «Твин Пикс», – и на самом деле они не совы, а сово-зомби! – Тейт поднялся, сгрел меня в охапку, прижимая к себе. Я рассмеялась и попыталась вырваться. Ничего не вышло. Тейт наклонился и поцеловал меня – быстро, но очень нежно. Потом накинул на плечо свой рюкзак и настойчиво потянул меня за руку.

– Все, пошли. Завтра целый день без меня будешь, – улыба-

нулся он.

Я надела свой рюкзак и пошла за ним.

– Слушай, мне тут Лорна написала – к ним заходил парень из сериала про шпионов!

– Который похож на Холдена?

– Д-а-а-а, представляешь?

– Стесняюсь спросить, что он хотел купить в вашем магазине?

– Вроде подарок для подружки... или друга.

Всю дорогу до отеля мы болтали о ерунде. Мне стало гораздо спокойнее, как будто магия этого города забрала все мои тревоги.

В номере мы по очереди приняли душ. Когда я залезла под одеяло, Тейт уже спал. Он все еще неважно себя чувствовал, да и денек был долгим и насыщенным. Я вцепилась в его руку, прижалась к нему как можно крепче и очень скоро тоже заснула. Засыпая, я вдруг подумала: как же чудовищно я буду скучать...

И откуда в моей голове вообще взялись эти мысли?

Я отключилась; мне снились феи, порхавшие над ажурными сводами собора святого Джайлса. Они соскальзывали с неоновых бутонов, росших на «Поле света» перед собором, и устремлялись ввысь, исчезая среди мрачных гранитных домов Королевской мили.

Завернувшись в одеяло, я наблюдала, как Тейт собирается в офис Aurora Aerospace. Спать хотелось просто чудовищно.

Но Тейту было еще хуже. Постоянно зевая, он бесконечно долго натягивал джинсы, разные носки, потом со стоном повалился на кровать и раскинул руки.

– Не хочу-у-у-у, – жалобно протянул он, – Энди, пристрели меня...

– Не дожدهшься, – я выбралась из своего гнезда и поцеловала его в нос, – давай уже, отчаливай, я хочу еще немного поспать! – злорадно провозгласила я и принялась спихивать мужа с кровати. Тейт сопротивлялся для вида. Потом кое-как принял вертикальное положение, взял сумку и, показав мне язык, направился к двери.

– Главное – весь день не проспи, – улыбаясь, предупредил он. – Пока-пока! – он дернул на себя ручку двери и вышел. Я рухнула обратно в гнездо из одеял и закрыла глаза. Ну, еще полчаса, и я выберусь отсюда, обязательно...

Из номера я вышла около полудня. Есть хотелось неимоверно, и первым делом я отправилась на поиски кафе.

Полдня я бродила по городу без особой цели. Мне не хотелось ничего фотографировать, искать, как обычно, интересные места и ракурсы. Все это вдруг утратило былую привлекательность и вызывало только смутное ощущение тревоги. Поэтому я исследовала сувенирные магазины, косметические лавки, бутики с винтажной одеждой и без конца пила кофе. Купила себе какие-то духи с резким ароматом клубники и ванили (господи, зачем?!), серьги в виде пацификов и маленькую плюшевую сову. Приобретя весь этот хлам, я

почувствовала себя гораздо лучше.

Тейт не звонил и не писал – видимо, совсем увяз в работе. Я не ощущала привычной радости от прогулок по городу. На самом деле даже хотелось домой. А еще поговорить с мамой. Последнее время я редко ей звонила. Связь была дорогой, и я просто отправила ей смс: «Привет, как ты? Скучаю по тебе! А мы в Эдинбурге!». Фотографию прикреплять не стала.

Некоторое время я провела, изучая ассортимент книжных магазинов. На одной из прилегающих к Королевской миле улиц толпился народ, я сначала не поняла, в чем дело. В отдалении я заметила несколько полицейских машин. Взысленные патрульные пытались отогнать подальше журналистов с фотоаппаратами.

Откуда—то потянуло ощущением отчаяния и тьмы; я прибавила шаг. Наверняка место преступления или аварии, недаром собралась такая толпа зевак, полицейских и журналистов.

Чертыхнувшись, я быстро прошла мимо толпы, свернула в первый попавшийся переулок. На глаза мне попала зеленая витрина и дверь паба «Royal Mile Tavern». Поддавшись внезапному порыву, я толкнула дверь и вошла.

Внутри было тихо и пахло жареной картошкой. Бармен и двое официантов смотрели новости по телевизору.

– Сегодня в 14:00 Джефффри-стрит было обнаружено тело четвертой жертвы Наблюдателя, – взволнованно сообщала

ла девушка-корреспондент, – на месте преступления работает полиция. По предварительным данным, убитая – двадцатилетняя Ванесса Уайт, сотрудница крупной технологической компании...

– Не хочу отвлекать вас, ребята, но мне бы пинту Скоттиш стаута, – я подошла к барной стойке, чтобы сделать заказ.

– Хороший выбор, милая, – пухленький бармен принялся наполнять стакан, – видала, какая жуть происходит? – он кивнул на экран телевизора. – Совсем рядом с нами.

– Я только что там проходила, – поежившись, сказала я.

– Да ладно? – один из официантов уставился на меня во все глаза, – а вам удалось увидеть труп?

– Я как-то и не пыталась, – сухо ответила я, – сбежала оттуда как можно скорее!

– Ну интересно же! – возбужденно продолжил официант, как будто речь шла о новой серии его любимого детективного сериала. – Наблюдатель зачем-то вырезает жертвам глаза, а потом душит их. Но существует теория, что Наблюдатель всегда убивает двоих, только вот непонятно, куда исчезает второе тело...

– Заткнись, Эд, – оборвал официанта бармен, – никто не хочет слушать твои фанатские вопли по этому маньяку.

Эд насупился и с мрачным видом повернулся к экрану.

– Кошмар какой, – выдохнула я.

– Да, последнее время у нас тут беспокойно, – задумчиво произнес бармен, – картошечки желаешь?

– Нет, спасибо, обойдусь стаутом, – натянуто улыбнулась я. Потом заплатила за пиво и ушла вглубь бара, подальше от новостей и Эда-фаната криминальных хроник.

Я устроилась за столиком у окна.

Я больше не слышала новостей по телевизору и комментариев бармена и официантов. Меня накрыло равнодушной и обволакивающей тишиной. Ощущение было такое, будто я заснула и резко проснулась... во сне.

Открыв глаза, я увидела комнату в заброшенном здании. Выложенные белым кафелем стены покрывал толстый слой черно-зеленой плесени. Земляной пол был усыпан осколками, использованными шприцами и полусгнившими бинтами. Мерно капала вода – кап-кап-кап; от этого звука по спине бежали мурашки. За мной наблюдали.

Я заметила огромное снежно-белое существо; его янтарные глаза-плошки горели, напоминая о полузабытых кошмарах.

С огромным трудом я заставила себя вернуться к реальности. Знаете, как бывает во сне? Ты осознаешь, что спишь, и приказываешь сам себе – «проснись! Это всего лишь сон».

Я попыталась сконцентрироваться на настоящем: телефон в кармане куртки, шарф, который я забрала у Тейта, игрушечная сова в рюкзаке. От шока мысли вдруг сделались резкими, кристально чистыми и логичными.

Эта комната и паб – одно и то же место. Реальность здесь многослойна и изменчива, и этот мир – совсем не такой, ка-

ким кажется.

Существо сделало пару шагов в мою сторону. Оно напоминало кота с гигантскими суставчатыми конечностями и оскаленной пастью, полной мелких игольчатых зубов. Тварь уселась напротив меня, вальяжно потянулась. Словно меня тут и не было вовсе...

Сглотнув, я повторила про себя как мантру: телефон, шарф, сова, рюкзак. Недопитое пиво.

Поймала взгляд существа. Оно равнодушно уставилось на меня, моргнуло, а потом прикрыло янтарно-желтые глаза.

В эту же секунду меня резко выдернуло обратно.

Бармен включил бодрый фолк-рок, и мне захотелось запустить в него стаканом. Более чудовищного саундтрека я и представить себе не могла.

Меня трясло. Из глаз бежали слезы. Дрожащими пальцами я вцепилась в свой рюкзак, кое-как сползла со стула и выскочила на улицу. Кажется, бармен что-то крикнул мне вслед, но я уже не слышала его слов.

Я сорвалась с места и побежала. Бежала-бежала-бежала вперед, чувствуя, как глаза жжет от слез. Я почти ничего не видела, главное было – бежать.

Не помню, сколько времени прошло, пока я наконец не остановилась. Я понятия не имела, куда меня занесло, но главное, что улица была людной и оживленной. С трудом перевела дыхание.

На глаза мне попала какая-то сетевая кофейня, и я за-

шла внутрь, лихорадочно вытирая глаза.

Тут было тепло и уютно. Посетители громко болтали на разных языках — так привычно и знакомо, словно я оказалась в самом центре Сохо. Мучительно захотелось домой. И все же я испытала облегчение — настолько сильное, что едва снова не расплакалась.

Я забилась в угол, достала телефон и подключилась к вай-фаю. Паника отступила. Теперь мне нужны были ответы.

Я нашла сообщество subway_angels и принялась листать. Фотографии расплывались, а потом обретали резкость. На них проявлялись новые детали, поначалу невидимые. Перегоревшие фонари, разбитые окна, заколоченные двери и заброшенные дома. Темные арки, в которых скрывались тысячеглазые монстры и рогатые создания. Обветшавшие здания с жуткими провалами окон. Снежно-белые твари дремали на ступенях памятников, а сквозь завесу дождя проступали силуэты призраков...

Я почти не удивилась, когда увидела фотографию из бара Royal Mile Tavern: на ней интерьер заведения причудливым образом перетекал в обстановку заброшенной комнаты с земляным полом.

Хэштэги были следующие: #thevergezone, #beware, #royalmiletavernzone, #subwayangels —
#ангелыподземки.

Мысленно приготовившись к самому худшему, я нажала на тег. Как я и предполагала, под тегом #subwayangels на-

ходились фотографии белоснежных, похожих на мутировавших котов тварей.

5. Холден

Я бросил пару монет в вендинговый автомат и получил наконец пакет мармеладных мишек.

Это был бесконечно долгий день: слишком много информации, да и новость о смерти Ванессы никак не могла уложиться у меня в сознании.

Я достал пакетик из автомата, прислонился к стене и закрыл глаза. Голова немного кружилась; надо бы поехать домой, но я хотел напоследок проверить «Виатор». Весь день мы с Тейтом чуть ли не хороводы водили вокруг аппарата, пытаюсь придумать оптимальные способы транспортировки.

О«Хара ушел полчаса назад: ему позвонила жена и попросила срочно приехать. Я не понял, что именно случилось, но, судя по скорости, с которой коллега сорвался с места, произошло нечто неприятное.

Что же за день сегодня такой...

Я сполз по стене вниз и уселся на полу рядом с автоматом. Его мерное гудение меня успокаивало; из электронных недр доносилась легкая, ненавязчивая вибрация.

В офисе все обсуждали смерть Ванессы; мистер Флауэрс даже уехал в полицию, а я считал часы до конца рабочего дня, когда я смогу подключиться к марсоходу и отладить некоторые функции.

– Холден? – обеспокоенный голос Нади заставил меня

вздрогнуть. Я открыл глаза и увидел доктора Рихтер. Она стояла, чуть ссутулившись, засунув руки в карманы белого халата. – Ты в порядке?

– Не знаю, – честно ответил я.

Надя едва заметно усмехнулась и нервно убрала за ухо прядь длинных светлых волос.

– Может, чаю? У нас на кафедре гораздо уютнее, чем здесь, – предложила она.

– Почему бы и нет. Я как раз мишек купил, – я показал ей пакет с мармеладками и с трудом поднялся.

Надя была очень высокой – всего на пару сантиметров ниже меня. Она старательно отводила взгляд.

– Ну, пошли, – размашистым шагом она устремилась вперед, к вотчине биологического факультета. Я послушно последовал за ней. Видимо, наши отношения теперь всегда будут такими – надтреснутыми, надломленными из-за горькой неловкости.

Надя была на восемь лет старше: она защитила докторскую, а ее сын уже поступал в колледж.

Мы познакомились в столовой и очень скоро стали друзьями. С ней было легко и интересно, и когда-то мы проводили вместе выходные, ходили друг к другу в гости, гуляли по городу, ездили отдыхать на природу с ее семьей.

Все изменилось два месяца назад, когда Надя приехала ко мне, взлохмаченная и зареванная, уставшая от рутины и семейной жизни.

Мы поехали в «Брэйнз» и ужасно напились. Надя все повторяла «как жаль, что мы так поздно встретились», а потом я целовал ее в полутемном коридоре клуба, а она отвечала мне – жадно и страстно.

Только звонок ее сына заставил Надю опомниться. Никогда не забуду, как она в спешке надела свой длинный черный плащ и, набросив на плечо рюкзак, нетвердой походкой устремилась к выходу. Я хотел проводить ее, но Надя обернулась и покачала головой.

«Ничего не выйдет, Холден, все слишком сложно», – вот о чем говорил ее взгляд.

Мы остались друзьями, стерли из памяти тот вечер. Но каждый раз, когда я видел ее, то невольно задавался вопросом – действительно, а почему же так поздно?

Не знаю, было ли это любовью. Я вообще плохо понимаю, что это такое, ведь, говоря о любви, каждый подразумевает что-то свое.

Она отвела меня в один из общих кабинетов на кафедре. На полках были расставлены банки с заспиртованными животными разной степени мерзости, на столах высились собранные модели скелетов, чучела и микроскопы. Всю дальнюю стену занимала техника – спектрометры, электронные микроскопы, центрифуги и приборы для проведения ДНК-тестов.

Надя отыскала в шкафу свободные мензурки и заварила чай с молоком. Отсутствие нормальных чашек у биологов

всегда меня веселило – пить чай из мензурки было не так скучно. Надя протянула мне импровизированный стакан, а сама села на стул рядом с чучелом Додо. Подумала пару секунд и сказала:

– Знаешь, на этой неделе у меня было ощущение, что я схожу с ума.

Я вопросительно изогнул бровь:

– Не тяни, рассказывай.

– Произошел случай с легким оттенком криптозоологии, – усмехнулась Надя, – ко мне попали образцы ДНК неизвестной науке твари. Как они ко мне попали – тот еще вопрос, по почте прислал некий доброжелатель. Ну, естественно, я не удержалась о того, чтобы проверить...

Надя ненадолго замолчала, выпила чаю, а потом продолжила:

– В общем, я выявила у этого существа поразительную устойчивость к радиации. Слово оно родилось на дне термоядерного реактора. А в структуре ДНК нашлись схожие признаки с ДНК человека, приматов-полуобезьян и кошачьих.

– Кото-лемуро-человек. Какая прелесть, – резюмировал я и сделал глоток из стакана.

– Я думала, у меня галлюцинации начались, когда я проверила образцы. Не могло такого быть, и все. Мне стало очень страшно, честно скажу... – Надя поежилась, обняла себя руками, – а самое жуткое знаешь, в чем? Ко мне в офис вломи-

лись и забрали результаты исследований! Все образцы, копии, мои наработки! И как они только узнали, не понимаю?!

Услышанное казалось одновременно и полным бредом, и пугающе реальным.

– Я почувствовала себя персонажем «Секретных материалов», – она нервно повертела мензурку в руках, – словно угодила в сериал о теории заговора. В интернете я откопала информацию о существах – они упоминаются в городских легендах и байках. Словом, сплошная криптозоология. Ума не приложу, зачем кому-то понадобилось меня просвещать?! На конверте было написано: «Смотри, не отводи взгляд».

– Ты обращалась в полицию?!

– Нет, я так перепугалась, что не стала никому говорить, – смущенно отозвалась Надя, – я сглупила, да?

– Ты разве не знаешь, что погибла девушка из нашей компании? По предварительной версии, она стала жертвой Наблюдателя. – сказал я. – И полиция до сих пор не понимает, по какому принципу маньяк выбирает своих жертв!

– Я даже не догадалась связать два этих события воедино. Ты думаешь, они могут быть связаны?! Вот черт, – Надя закусил губу, – совсем не соображаю последнее время, – она запустила пальцы в волосы.

– Нужно позвонить копам, – уверенно заявил я, – понятия не имею, связаны эти происшествия или нет, но в твой офис вломились и стащили важные документы. И, кстати, у тебя что, нет сигнализации?

Доктор Рихтер развела руками.

– Я позвоню.

– При мне! – настаивал я.

Со вздохом Надя взяла мобильный и позвонила в полицию. Минут десять она говорила по телефону. Мне стало чуть спокойнее.

– Тебя подвезти?

– Да все нормально, сама доберусь. Спасибо, Холден, – Надя улыбнулась и быстро обняла меня, – в полиции сказали не затягивать и сразу ехать к ним.

– Правильно-правильно! Поезжай и все им расскажи. А завтра не забудь попросить у начальства провести сигнализацию.

Она быстро собрала вещи, надела свое неизменное черное пальто. Мы вышли из кабинета; Надя закрыла дверь на ключ.

– Я могу поискать информацию об этих тварях, – предложил я, – кажется, наткнулся в сети на нечто подобное.

– Правда?

– Да...

– Ну, хм, было бы здорово! – голос ее звучал сбивчиво и торопливо. – Спасибо за помощь и за понимание – как всегда.

Она словно хотела сбежать как можно быстрее. Надя поделилась со мной наболевшим – как в старые добрые времена, и теперь мучительно сожалела об этом.

– Не за что. Береги себя. И со связи не пропадай, – готов

поспорить, улыбка у меня вышла тусклая и неискренняя.

Надя быстро поцеловала меня в щеку и унеслась своей размашистой походкой. Я долго стоял, прислушиваясь к стуку ее каблучков по паркету.

Мне было тоскливо. А еще я забыл в кабинете у Нади пакетик мармеладных мишек.

Ну и ладно. Я вернулся к автомату, купил новую порцию. Сунул в карман халата и пошел обратно в офис.

Я опять засиделся на работе до поздней ночи. Просто не хотелось домой, и все. Там было тихо и уныло, а в пустынном офисе эта тишина и тоска ощущались совершенно иначе.

Стихал шум, исчезала суета, и на офис опускалось сонное оцепенение. Мерно гудели компьютеры, в приглушенном свете углы казались темными и пугающими, а на стены ложились причудливые тени от многочисленных приборов. По включенным мониторам неспешно бежали символы. Дождь барабанил по стеклам полуподвального помещения лаборатории, дополняя причудливую симфонию пустынного офиса.

Мир становился похожим на театральную декорацию, ожидающую часа, когда на сцену вернутся актеры и закипит их придуманная, ненастоящая жизнь. Когда разыграются драмы и трагедии на фоне гудящих компьютеров и стрекочущих принтеров, без конца звенящих телефонов и сложнейших уравнений.

Лаборатория факультета физики и астрономии была погружена в полумрак, из которого выступали причудливые тени, падая на стены размытыми узорами.

На кухне я сделал себе кофе: сладкий, почти приторный, с густой молочной пенкой. Ужасная гадость, но мне так нравился этот вкус.

Я сел за свой стол, развалился в кресле, вытянув ноги.

Ночь казалась иллюзорной и неоновой-яркой.

Что-то должно было произойти, я чувствовал это, кровь стучала в висках, звуча сумасшедшей ритм-секцией баса и барабанов. Ощущение предчувствия стало нестерпимым. Головокружение тоже.

А потом я услышал отвратительный скрежещущий звук, словно кто-то когтями царапал стекло.

По спине побежали мурашки. Звук повторился; вместе с ним ко мне вернулось чувство реальности. Я выпрямился на стуле. Было так тихо, что я мог слышать свое собственное дыхание. Страха я не чувствовал.

Я вздохнул, смиряясь с неизбежным. А потом заставил себя повернуться к окну.

Покрытое густым белоснежным мехом существо сидело на подоконнике и таращилось на меня своими пустыми водянистыми глазами. Тварь подняла длинную тонкую лапу и еще раз царапнула по стеклу когтем, словно желая напомнить о своем присутствии.

Я не знаю, зачем я сделал то, что сделал: подошел к окну

и открыл его. В помещение сразу же ворвался свежий ночной воздух, запах осени и дождя.

Снежно-белая тварь протянула лапу. Повинуясь внезапному порыву, я коснулся ее влажного, промокнувшего под дождем меха.

Существо внимательно смотрело на меня. Я вспомнил о Наде, о загадочном доброжелателе, приславшем ей образцы крови таинственного существа. Возможно, что именно оно сейчас глядело на меня из темноты осенней ночи.

Кем бы ни был этот «доброжелатель», он видел истинный мир и существ, обитавших в нем. Он хотел донести до Нади мысль, что биологических видов в мире гораздо больше, чем она привыкла считать...

Оставался единственный вопрос: «зачем»?

Белоснежное создание моргнуло, а потом, сорвавшись с места, скользнуло обратно во тьму.

Intermezzo, parte prima

Нефас говорит с ним.

Свет, просачиваясь сквозь витражные окна, заливает огромный зал радужным сиянием, рассыпается по стенам Дворца дождей мерцающими бликами.

Нефас говорит с ним.

Чумной Доктор слышит голос своего творения: огромной установки из черного металла, напоминающей пушку с тысячей жерл, орган из застывшего пламени; монстра, рожденного от слияния науки и магии.

Доктор стоит, упираясь лбом в холодную поверхность машины и пытается различить последние слова запертой в Нефасе сущности.

У него есть пара минут, пока карнавал не начнется. Созданное Доктором оружие положит конец войне, но у него так мало времени, чтобы просто...

Попрощаться.

– Хартлин, прости меня, – шепчет Доктор Чумы, – у меня не было выбора, ты же знаешь.

Какая теперь разница?

Доктор Чумы осознает, что слова Хартлин будут преследовать его до самой смерти. Поэтому он просто слушает, и ее почти неразличимый голос рассказывает историю.

Завтра я проснусь, и все исчезнет. Не будет игл, что

вгоняли мне под кожу, не давая спать и не давая умереть, не будет слепящего света ущербной луны, холода летней ночи и мрачной красоты осенних вечеров. Когда над мертвыми дворцами Мар ди Силенцио взойдет бледно-золотое солнце, все закончится.

Я проснусь, и вместо черно-белого сна, когда-то бывшего моей жизнью, я наконец-то увижу янтарное пламя рассвета.

Несуществующие красные линии на моих запястьях, с пальцев капает прозрачная кровь.

Я все еще жива и я буду жить, пока в Монохромном мире тикают часы. Я буду жить еще целую вечность, пока они мерно тикают...

...с обеих сторон.

Каждые по-своему

Тик-так

Так-тик

Я знаю, что никто не придет за мной.

Никто не разбудит меня поцелуем.

Я проснусь сама. Я уже проснулась.

Терновник рвала голыми руками, продираясь сквозь заросли, что скрыли мой дом от обманчивой пустоты внешнего мира.

Где ты, мой мертвый принц, где ты был, когда Королева проиграла партию в шахматы своему Шуту, и он, примерив терновый венец Королевы, стал олицетворением мудрости?

О, где же ты был, когда я так нуждалась в твоём исцеляющем поцелуе?

Я сильнее тебя, видишь?

Я сильнее всех тех, кто приходил в мою комнату над бездной, желая насладиться видом на Бесконечность и сыграть в карты со спящей актрисой театра Дель Арте, запертой в башне из её же иллюзий и несбывшихся желаний.

Кто я?

Коломбина, Арлекин, Пьеро?

Ни одна из них.

Из чьих костюмов шито мое давно истлевшее платье, чьи глаза равнодушно смотрят на мир из-под длинных ресниц? И чье сердце бьется в груди, истерзанной старческим кашлем?

Я – Многоликая Чума, и это ты меня создал.

Докажи мне, что ты сильнее меня – и я встречу тебя у входа в зачарованный замок. Я пройду сквозь терновник, изорвавший мое платье, изрезавший мое тело.

Видишь, сколько ирамов? Ты будешь любить их все... Каждый из их.

Я буду твоей

Когда выберусь отсюда.

Мне кажется, что я заново учусь дышать. Глотая отравленный воздух Монохромного мира, я чувствую себя бесконечно живой и бесконечно свободной.

Робкое солнце осторожно покрывает позолотой шпиль

соборов, башен, крыши домов и брусчатку мостовых, придавая городу непривычную яркость.

Я наблюдаю за тем, как медленно по улицам ступает утро, и понимаю, что когда-нибудь мне удастся осуществить задуманное.

Однажды я смогу проснуться.

Доктор Чумы отходит от Нефаса, с горечью понимая одну вещь – нет, она не сможет. Она уже никогда не проснется и не станет Хартлин.

Теперь это Нефас. Идеальная машина для убийства, и именно он сделал ее такой.

6. Иван

– Хватит отдыхать. Начинается, – Дима ткнул меня в плечо и быстрым шагом направился к выходу. Я вздрогнул, пытаясь стряхнуть с себя сонное оцепенение. Поднялся со стула, схватил камеру и последовал за ним. Истертые половицы горестно скрипнули. Я вышел на крыльцо и окинул взглядом поляну. Нас окружал лес: высокие корабельные сосны, чьи косматые верхушки терялись в туманном мареве. Видимость была почти нулевая – туман, ничего, кроме тумана. Я поежился. Такая погода была характерна для поздней осени, но никак не для сентября. Впрочем, теперь погодные аномалии стали нормой и никого не удивляли – особенно нас, сотрудников Клементинума.

– Рано еще, – пробурчал я, кутаясь в потрепанную джинсовку, – минут через пятнадцать выползут.

Дима, переминавшийся с ноги на ногу, обернулся и бросил на меня раздраженный взгляд:

– Не хочу нарваться на сюрпризы. Как ты вообще можешь спать, не понимаю, – прибавил он.

Я пожал плечами. Из памяти все еще не выветрился сон о Докторе Чумы, как две капли воды похожем на меня самого. Мне часто снились подобные сны. Они напоминали эпизоды фантастического сериала, записанные на пленку воспоминаний, хроники жизни моего загадочного двойника. Сны

были всегда о Монохромном мире (что, в общем-то, неудивительно, учитывая специфику моей работы).

Дима занял наблюдательный пост на полу веранды; включил ноутбук и установленные там приборы для замера колебаний геомагнитного фона и атмосферы. Я расположился напротив него, достал камеру и приготовился фотографировать.

Представление должно было вот-вот начаться.

На кончике языка появился неприятный привкус металла и гари. Воздух загустел, став тяжелым и влажным. Потянуло запахом озона.

– Поехали, – выдохнул Дима и уставился в монитор компьютера.

Я, не отрываясь, смотрел на кромку леса. Среди деревьев вспыхнул огонек, похожий на шаровую молнию. Он начал разрастаться, постепенно принимая очертания человекообразного существа... За ним последовали еще и еще.

Вереница светящихся существ потянулась из леса к полюне: они легко ступали по пожухлой траве, приближаясь к дому, на веранде которого мы устроили свой наблюдательный пост.

Существа создавали хоровод, сплетаясь тонкими серебристыми ручками; скользили в танце, поддаваясь магии музыки, недоступной слуху людей...

Зрелище было завораживающим и в то же время жутким. Облизав пересохшие губы, я начал снимать. Пленка по-

кажет многое: и существ, и края Пограничной зоны. В штабе они сравнят их со старыми фотографиями и поймут, насколько границы раздвинулись, как далеко зона проникла в лес. Увидят еще несколько слоев фотографии и тварей, которые пришли вместе со светящимися феями, но остались невидимыми.

Они танцевали под серым сентябрьским небом и его тяжелыми грозовыми тучами. Купались в утреннем тумане, рассеянном солнечном свете. С какой целью? Я столько раз задавался этим вопросом. Но никто бы мне не ответил: ни Дима со своими сверхмощными приборами, ни Сорренто, ни штатные предсказатели.

Через пару минут светящиеся создания устремились обратно в лес. Существа повторяли свой странный ритуал раз в три месяца; сотрудники Клементинума обязаны были присутствовать и проверять динамику развития Пограничной зоны.

– Скоро заползут в дом. Как думаешь, почему они до сих пор сюда не влезли? – спросил Дима, сохраняя показания приборов.

– Здесь обитает нечто жуткое, – отозвался я, – оно не пускает фей на свою территорию. Какой-то дух леса или еще что... Именно поэтому мы всегда наблюдаем с веранды. К людям эта тварь привыкла, а вот фей из другого мира не жалуется.

Дима хмыкнул.

– Чудесно. На сегодня с меня хватит, пожалуй.

Сложно поспорить. Я вернулся в стильную гостиную, собрал рюкзак. В кармане завибрировал мобильный, и я замер, чтобы прочитать смс.

– Шеф приехал, – громко сообщил я, – на одиннадцать назначили совещание во фронт-офисе.

– Окей. Помоги-ка мне загрузить барахло в машину, а?

Я набросил на плечо рюкзак и двинулся обратно на террасу. Вдвоем с Димой мы быстро отнесли приборы в казенный джип. Дима закрыл сторожку на замок, сел за руль. Я устроился на переднем сиденье.

– Завтракать? – Дима взглянул на меня, попытался изобразить на лице улыбку. Темные круги под глазами выдавали усталость и недосып, в уголках глаз уже появились морщинки.

– Поехали. Лишь бы подальше отсюда, – мне не хотелось ничего говорить, но нужно было заполнить тишину, разбавить жутковатое безмолвие этого места. Я потянулся к приемнику и включил радио.

Заиграла квиновская «Show must go on». Мы вырулили на проселочную дорогу и покатали вниз, к трассе Ялта-Севастополь. Я открыл окно. Начался дождь; крупные капли разбивались о лобовое стекло, пока мы мчались по трассе. Я миллионы раз видел эти пейзажи. Спокойное море, очертания гор, густой лес.

Я жил в стране фей, изолированный от остального ми-

ра, без возможности выбраться отсюда или сбежать. Вечный страж границ рассыпавшегося на осколки мира.

В девять утра мы уже сидели в кафе с видом на море и пытались съесть завтрак. Работа в Пограничной зоне выматывала, лишала сил – как моральных, так и физических. Я пил кофе, мечтая о долгом сне без сновидений. Дима с кем-то переписывался в смартфоне, отстранившись и уйдя в собственные мысли.

Я проверил инстаграм. Пару фотографий в моем сообществе subway_angels завалили «лайками». Всегда казалось странным, как можно нажимать сердечко под фотографиями Безликих, Тысячеглазых или ангелов подземки. Кому-то они кажутся милыми? Или люди просто восхищаются работой неведомых мастеров фотошопа? Ох, если бы все было так просто.

– Как думаешь, зачем приехал Сорренто? – мне надоело молчать. Хотелось добиться от Димы реакции, но коллега словно отгородился от меня стеной. Не сказать, что я сам был душой компании, но тишина уже начинала напрягать.

– Ммм? – оторвавшись от смартфона, Дима вопросительно вскинул бровь, задумчиво поскреб светлую бороду. – Сорренто? Не знаю, чего ему в Праге не сидится. Может, опять решил попробовать разобрать Нефас на винтики. Или наконец-то внял нашим мольбам о расширении штата. В поля давно пора отправлять новичков.

– Как будто много желающих работать с этим дерьмом, –

я уныло подпер щеку рукой и поболтал кофе в стакане. – А я в том лесу с ребятами ролевки устраивал. Переодевались в хоббитов и эльфов, сражались на деревянных мечах, а вечером напивались у костра под баллады менестрелей.

Дима смерил меня ехидным взглядом.

– Да, сейчас-то все серьезно. Даже эльфы настоящие.

– Увы, – я закатил глаза, – верните мне мой 2005-й.

Дима бросил взгляд на часы.

– Пора выдвигаться. Нужно еще набросать отчет для Орлова.

Мы расплатились и поехали во фронт-офис, расположенный на Большой Морской улице.

В офисе царил паника – директор Клементинума уже прибыл, и сотрудники в срочном порядке пытались закрыть текущие дела. Я проскользнул к рабочему месту, Дима ленивой походкой устремился к своему.

Почти сразу же мне позвонили.

– Сеньор Маркин, пройдите, пожалуйста, в кабинет сеньора Сорренто. Он хотел бы поговорить с вами лично, – я узнал голос ассистентки Александра Сорренто, Фьяметты. Девушка говорила по-английски с заметным итальянским акцентом.

– Сейчас подойду, – отозвался я, мысленно приготовившись к самому худшему.

Я снял потрепанную куртку, кое-как пригладил непослушные волосы, надел очки и, взяв папку с документами,

направился в кабинет шефа. Бесполезно даже стараться принять приличный вид – в простой белой рубашке навывпуск и джинсах я напоминал студента, а не сотрудника влиятельного секретного университета.

Дверь мне открыла Фьяметта – очень высокая и мрачная, в строгом брючном костюме.

– Прошу вас, – ассистентка пригласила меня войти, – будете кофе?

– Приветствую. Ага, если можно, – кивнул я. Александр Сорренто стоял у окна, сложив руки на груди.

Фьяметта вышла, а директор Клементинума наконец обернулся ко мне.

– Привет, Иван, – Сорренто улыбнулся мне тепло и искренне. Я приблизился, пожал начальнику руку.

– Здравствуйте, сеньор. Удачно долетели?

– Неплохо, – кивнул Сорренто, – садись, пожалуйста.

Сорренто уселся в кресло, я занял стул напротив. Я чувствовал себя как на экзамене – тревожно и беспокойно.

Директор Клементинума казался обаятельным, дружелюбным джентльменом лет шестидесяти, в элегантном костюме и в очках. Однако в глазах его не читалось ничего, кроме холодной решимости и непоколебимой уверенности в себе. За улыбкой прятались насмешка и снисходительность. А еще от него исходило легкое, почти неразличимое ощущение опасности.

– Иван, на фоне сложившейся ситуации нам в ближайшее

время придется запускать проект «Монохром». Потребуются люди с самым сильным потенциалом.

Я напрягся, неуверенно покрутил в руках папку.

– Вы про группу Масок? Самые сомнительные кандидаты, – возразил я. – Мы, конечно, можем подобрать кого-нибудь из базы для экспедиции в Монохромный мир, но, сами понимаете, эта перспектива никого не обрадует.

– Нам нужны именно Маски, – отрезал Сорренто, – остальные не смогут перейти границу, их сил будет недостаточно. Вот, взгляни, – он протянул мне папку.

Я принял ее, начал листать представленные досье.

– Вы уверены, что это хорошая идея? – я не смог сдержать скептического тона. – У Эридана зависимость от его способности, он относится к дару, как наркоман к героину. Мареш еще не открыла полностью свою силу. Про Флауэрс ничего сказать не могу: вроде бы показатели у него самые средние.

– Скоро все изменится, – туманно отозвался Сорренто, – у них не останется выбора. К тому же, я уверен, ты сможешь уговорить молодых людей сотрудничать с нами и заняться оперативной работой.

– Я?! С какой стати. Моя роль здесь – сторожить границы Крымской зоны и Нефас заодно. Я плохо работаю с людьми, только с монстрами Пограничья, – я криво улыбнулся. – И какими аргументами я должен убеждать Эридана, Мареш и Флауэрс? Клементинум им никак не помог. Оставался в стороне, когда мир сдвинулся с места; бездействовал, пока

они пытались с этим смириться. Мы ничего не сделали, чтобы предотвратить смерти... – мне давно хотелось высказаться, и я воспользовался этой возможностью. – К тому же вы хотите, чтобы ребята приняли участие в самоубийственном проекте.

Александр Сорренто спокойно выслушал мою речь. Потом, сцепив пальцы в замок, произнес:

– Количество Пограничных зон увеличивается с каждым днем. Происходит все больше инцидентов. В Штабе уверены, что скоро произойдет еще несколько... На высшем уровне было принято решение собрать экспедицию, пока мир окончательно не погрузился в хаос и не коллапсировал к черту, – услышав в спокойном голосе Сорренто эмоции, я удивился, – ты сам прекрасно об этом знаешь. Сейчас нет времени обсуждать, почему политики не заявили о работе Клементинума... Мы можем только действовать. Вспомни Стамбул. Часть города просто погрузилась во тьму, исчезла! Вместе с тысячами людей! Сколько еще подобных катастроф произойдет из-за влияния Пограничных зон?

Я откинулся на стуле, посмотрел на Сорренто, склонив голову набок.

– Да без понятия. Мне интересно, почему об этом не подумали раньше. Как вообще мы дошли до жизни такой? – я грустно усмехнулся. – Семьдесят лет абсолютно бессмысленной работы.

– Мы делали все, что могли, – Сорренто не стал спорить, –

все, что требовала от нас ситуация.

Я рассеянно кивнул. Ну да, конечно.

Университет Клементинум основали семьдесят лет назад, когда были найдены первые зоны Пограничья. Ученые не могли с точностью сказать, существовали места с ярко выраженными геомагнитными аномалиями испокон веков или начали появляться сразу после Второй мировой войны. Зоны находили по всему миру, и, что самое странное, их количество увеличивалось с каждым годом. Современная наука объяснения этому феномену найти не могла, зато различные экстрасенсы, маги, эзотерики и прочие «просветленные» личности в один голос твердили: зоны Пограничья находились на стыке двух миров, где ткань между реальностями была особенно тонкой. Эта теория объясняла, откуда в зонах Пограничья появлялись артефакты: загадочные механизмы, питавшиеся человеческой энергией, обломки летательных аппаратов из неведомых материалов, амулеты с проклятьями, книги и карты неизвестных планет и миров, рассыпавшиеся в прах при малейшем прикосновении, загадочные приборы. Все эти сокровища хранились в зонах Пограничья, ожидая часа, когда ученые возьмутся за их изучение.

Факт существования Пограничных зон был засекречен правительствами всех стран (так же, как инцидент с падением летающей тарелки в Роузвелле), чтобы избежать паники и оградить умы людей от шокирующей информации.

Первый в своем роде Университет для изучения Погра-

ничных зон организовали в одной из стран ОВД – Чехословакии. Разумеется, при благословении Москвы. В Праге находилась одна из самых мощных Пограничных зон в Восточной Европе, поэтому выбор места основания дискуссий не вызвал. Клементинум получил свое название в честь старинной иезуитской библиотеки в центре Праги.

До Перестройки Клементинум оставался закрытым и засекреченным объектом, где трудились археологи, историки, лингвисты, физики, этнологи и многие другие ученые, пытавшиеся разгадать тайны зон Пограничья. Но во время Перестройки Клементинум вдруг преобразовался в тайную общественную организацию, в какой-то степени объединявшую Восток и Запад. Лишь в начале девяностых ученые смогли объяснить сложившуюся в мире ситуацию. Правда испугала правящую элиту больше, чем угроза ядерной войны.

Реальность разрушалась. Реальность трещала по швам, и в зонах Пограничья швы почти разошлись. Сквозь эти прорехи из мира утекала энергия и жизненная сила...

И утекала она в Монохромный мир.

Найденные в Пограничье артефакты помогли ученым составить описание Монохромного мира. Очень приблизительное, ведь попасть в Монохромный мир и узнать всю правду никому до сих пор не удавалось. Монохромный мир находился ближе всего к современной Земле, и его можно было бы назвать «параллельным» – только вот время там

шло совсем по другому направлению, и ученые постоянно фиксировали парадоксы. Мир был крайне нестабилен и то исчезал с радаров, то вновь появлялся черно-белой рябью – именно поэтому его и называли Монохромным. Ученые принимали радио- и видеосигналы, в зонах Пограничья техника становилась особенно чувствительной и регистрировала различные аномалии.

Ученые собирали кусочки головоломки, пытаясь выстроить их в логичное и понятное объяснение, но фактов катастрофически не хватало.

Все, что показывали приборы – умирающий мир, разрушенный войнами, разоренный, заброшенный, затянутый ядовитым туманом.

– Значит, вы хотите, чтобы я уговорил группу Масок сотрудничать с Клементинумом и нанял их на работу, – я постарался подвести итог нашей беседы.

Сорренто кивнул.

– Ты должен убедить их хотя бы прийти к нам в офис. Все они живут в Великобритании, это будет несложно. Отправишься в Шотландское отделение Клементинума. Я тебя познакомлю с руководителем, Амина Сингх – потрясающая женщина и великолепный специалист! Она давно наблюдает за Масками, именно она направила мне досье...

– С каждым придется проводить мотивационную беседу, – я перебил шефа и внимательно уставился на него.

– Если наши предсказатели не ошиблись, скоро к нам при-

дет Мареш, – пожал плечами Сорренто. Я подумал, что начальник в этот момент напоминал злодея из комиксов, – просто будь начеку. Уже полдела. Ее ты легко убедишь.

– Придет? – переспросил я. – Она воспользуется своей способностью?

– Подробности я не знаю, – пожал плечами Сорренто. – Сам понимаешь, предсказатели – ненадежный источник информации. Но они полагают, что да, сила девушки активируется в ближайшее время.

– Понятно, – кивнул я, хотя, конечно, ни черта я не понял. Вошла Фьяметта с двумя чашками кофе. Мне хотелось поскорее покинуть кабинет шефа, но пришлось остаться – пить кофе и отвечать на никому не интересные вопросы о буднях Севастопольского отделения, здоровье моих родителей и количестве случаев, когда я использовал свою способность.

Кажется, Сорренто остался доволен услышанным. Через двадцать мучительных минут он наконец отпустил меня, пообещав в ближайшем будущем обсудить детали проекта.

Я с облегчением выскочил за дверь.

– Ну, как прошло? – без особого интереса спросил Дима, когда я вернулся.

Я взглянул на коллегу и, улыбнувшись, ответил:

– Никак. Заставил заниматься подбором персонала, представляешь?

Дима закатил глаза.

– Надеюсь, тебе за это доплатят?

Я еле сдержался, чтобы не засмеяться ему в лицо.

Домой я вернулся только к обеду. Тучи разошлись, и снова стало припекать солнце. Я принял душ, выпил прохладного пива и устроился на диване с книгой, надеясь отвлечься от мыслей о работе и великих планах Сорренто. Я второй раз перечитывал «Облачный атлас» Дэвида Митчелла. Эта книга будто возвращала меня к жизни.

Никогда не думал, что магия может настолько утомлять.

Я успел прочитать пару глав. За это время раздалось несколько звонков и пришла пара смс, но я упорно их игнорировал. Когда зазвонил домашний, ответить все-таки пришлось.

– Ваня, привет! Нужна твоя помощь... Подежуришь в бастионе до вечерней смены? Мне нужно Сашку из садика забрать, она заболела, – Татьяна выпалила всю тираду единым потоком, пока я не успел опомниться, – там еще Антон будет, так что не заскучаешь...

– Привет. Ну, я сам только с дежурства вернулся, – попробовал возразить я.

– Все оперативники заняты. У Сашки температура под 39, в такую погоду! Выручишь? – Таня была непреклонна.

Делать нечего: в бастионе полагалось дежурить двум оперативникам.

– Ладно, не вопрос. Через час буду.

– Спасибо, друг. С меня пончики. И проверь смс, – ра-

достно ответила Татьяна.

— Ага, — я выключил трубку и с трагическим видом прикрыл глаза рукой.

Отличный вечер отличного дня.

Пришлось собираться. Я бросил в рюкзак «Облачный атлас», планшет, переоделся в удобную одежду и, не теряя времени, отправился в Михайловский бастион.

По дороге мне вспомнились слова Сорренто: «Скоро Мареш сама придет к нам». Что бы это могло означать? Судя по досье, Андела Мареш обладала силой Проводника, но способности ее до сего дня не проявлялись. Бедная девочка. И ведь никак не поможешь ей, не предупредишь... Я решил добраться до Бастиона и поискать в социальных сетях ее профиль.

Оставалось надеяться, что она уже нашла мой инстаграм, и он хоть немного помог ей разглядеть реальный мир...

7. Андела

Закрывшись в номере, мы с Тейтом пили. Я не могла плакать, зато могла поглощать виски с колой – и мне становилось легче. Я рассказывала Тейту о Пограничной зоне: запинаясь, сбиваясь, перескакивая с одного на другое. Показывала фотографии из инстаграма и пыталась убедить мужа, что не схожу с ума.

Кажется, он верил мне, делал все, чтобы меня успокоить, но я видела – Тейт до смерти перепуган моим состоянием. На его месте я бы тоже была в шоке.

Тот день я помню очень смутно: все слилось в бесконечный круговорот ужаса и отчаяния. От меня ничего не осталось. Только страх. Я больше не чувствовала себя собой.

Наверное, в такой ситуации логичнее всего было собраться и приступить к поискам ответов на вопросы, но... Меня с головой накрыло паникой и страхом перед действительностью. Я тонула, задыхалась и не хотела возвращаться обратно. Кажется, мне нравилось тонуть.

Тейт хотел позвонить моей маме. Я наотрез отказалась. Часам к шести вечера меня немного отпустило, я, не раздеваясь, заползла под одеяло и моментально заснула.

Что за этим последовало, сложно назвать приятным опытом. Казалось бы, куда уж хуже? Но фотография в Нилс Ярде запустила чудовищную цепную реакцию, и вот моя жизнь

рассыпалась и разваливалась на куски в ничтожно короткие сроки.

Сначала мне приснился сон. Мне всегда снились очень яркие, натуралистичные сны. Иногда я даже практиковала «осознанные сновидения», но это было чем-то простым и естественным, лишенным мистической подоплеки.

В том сне я перенеслась в заброшенный зал кинотеатра. Я не удивилась: я точно знала, что нахожусь во сне, и страха не испытывала.

Я сидела в некогда удобном и мягком кресле. Теперь оно насквозь прогнило и почти разваливалось, как и все остальное в зале. Стены покрывали куски облупившейся краски и кляксы плесени. От экрана шло слабое мерцание, и показывали там улицу, освещенную светом газовых фонарей; дома с темными квадратами окон; уходящие в туман трамвайные рельсы... Вдоль улицы росли каштаны, их листья колыхались от дуновения ветра.

Я подалась вперед, вцепилась в спинку кресла. Ветхая обивка оказалась влажной и пористой, очень неприятной на ощупь.

Картинка на экране оставалась неизменной. Все так же трепетали листья на деревьях, мигал потухающий фонарь, и сквозь тишину доносился далекий стук колес по трамвайным рельсам.

Я поднялась, не отрывая зачарованного взгляда от экрана, и спустилась вниз. На секунду замерла перед сценой, а потом

поднялась к экрану и встала напротив него. Протянула руку вперед, чтобы потрогать белую ткань, убедиться, что улица по ту сторону – не более чем декорация из артхаусного фильма.

Но я не ощутила мягкой поверхности ткани; я коснулась воздуха. Никакого экрана не было и в помине.

Я очутилась в самом начале улицы. «Это сон», – решила я. Просто очень реалистичный, но другие сны мне и не снились. Я не ощутила опасности. Мне захотелось узнать, что же там, по ту сторону экрана. Пройтись вдоль трамвайных рельсов, вдохнуть свежий ночной воздух.

Я чувствовала себя кэрроловской Алисой или Люси Пэвенси из «Хроник Нарнии».

Я оказалась в сумрачной и неприветливой Праге из другого мира. Я узнавала и одновременно не узнавала свой родной город. Его улицы были пропитаны ощущением запустения и тоски.

Я настороженно рассматривала дома. Здесь смешались все стили от классицизма до ар-нуво, то и дело попадались средневековые постройки. Я вышла к Площади Республики и увидела одинокую Пороховую башню, стоящую среди ветхих покосившихся домов.

Я двинулась к ней. Еще раз огляделась – в тусклом свете фонарей площадь и Пороховая башня выглядели зловеще. Меня влекло любопытство, которому я не могла сопротивляться. В конце концов, это был всего лишь сон. Что изме-

нится, если я посмотрю?

Я толкнула дверь и зашла в пустынную, слабо освещенную караулку. Взяла свечу в подсвечнике и направилась к винтовой лестнице в углу комнаты.

Я ступала бесшумно, вдыхала запах древних камней и сырости. Добравшись до верхней площадки, я заметила, что оказалась в совершенно другом месте. Теперь я стояла в начале длинного коридора в крепости. Бойницы выходили на спокойные воды бухты, сквозь них в коридор лился яркий солнечный свет.

Пахло морем, прогретым на солнце песчаником, древесиной и книжной пылью. Вдоль стен располагались стеклянные витрины с экспонатами, натурные образцы оружия, инсталляции, висели старинные флаги и карты, старые фотографии в рамках. Это был музей военной истории, но какого же мира?

Я двинулась вперед по коридору и через некоторое время остановилась возле полукруглого эркера, в котором стояла огромная осадная установка. Блики солнечного света падали на гладкий черный чугун. Машина казалась совсем безобидной: всего лишь старый, сломанный музейный экспонат, покрытый легким слоем пыли. Конструкция представляла собой некое хаотическое переплетение пушек с зияющими черными жерлами, колес, шестеренок и рычагов. Я плохо разбиралась в истории оружия, но даже моих скудных знаний хватило, чтобы понять – машина не имела аналогов

в моем родном мире.

А еще мне показалось, что я уже видела эту установку раньше.

– *Нефас*, – шепнула мне память, – *Многоликая Чума*...

Чтобы вспомнить, нужно лишь коснуться.

Я дотронулась до машины, провела пальцами по металлу.

– Как долго ты спала, древняя древность? Бррр, – прокомментировала я.

Я попыталась отнять руку и не смогла. Меня захлестнуло раздражением и яростью. Я ничего не могла изменить, стала беспомощной в собственном сне! Ладонь словно прилипла к проклятой машине. Я выругалась на смеси чешского и русского.

Внезапно всю руку от ладони до плеча прошило резкой болью. Я вскрикнула и едва удержалась на ногах. Боль продолжала усиливаться, словно руку мне вскрывали и методично вынимали из нее кости. Из глаз потекли слезы. Что-то черное и маслянистое отделилось от древней установки, поползло по пальцам, оплетая их, потом переместилось на запястье, выше, выше.

Я уже ничего не видела от застилавших глаза слез. Боль была нестерпимой, резала по живому, проникая в каждую клеточку тела и терзая меня...

Помню, что пыталась потерять сознание, отключиться, но нечто удерживало меня на поверхности, не давая погрузиться в спасительную темноту. Я снова попыталась вы-

рваться, но потерпела поражение. Черная дрянь теперь светила тускло-серым светом, окутывая мою многострадальную руку завораживающим сиянием.

Боль вдруг переместилась на спину, и я сдавленно застонала.

«Я хочу проснуться, пожалуйста, я хочу проснуться!» – твердила я себе, но ничего не происходило.

Боль не сулила мне ничего хорошего – либо я сойду с ума, либо умру. И я не была уверена, что в конкретной ситуации я бы предпочла.

Я кучей рухнула на колени. На удивление, боль от удара о паркетный пол оказалась отрезвляющей. Я бросила взгляд на свою руку и...

Кто-то вцепился в мои плечи, резко дернул назад, оттачивая от ужасной установки. Меня подняли на ноги, но я пошатнулась и упала бы, если бы меня не подхватили под мышки. Потом меня поволокли прочь, но я уже не видела куда – боги оказались милосердными, и мое сознание погрузилось во тьму.

Какой странный сон... Сначала я решила, что мне снится сон во сне. Ну, вроде того фильма – «Начало», где хакеры сновидений пробирались в подсознание людей и совершали ограбления.

Когда я проснулась, то обнаружила себя не в кровати в номере отеля, а в совершенно ином месте. В белой-белой комнате, залитой ярким солнечным светом, за письменным сто-

лом сидел очень хмурый молодой человек и задумчиво читал что-то с экрана планшета. Едва слышно жужжал старенький вентилятор, старательно разгоняя затхлый больничный воздух, за окном шумели машины, а в соседнем кабинете шел очень эмоциональный спор. Молодой человек оторвался наконец от компьютера, снял очки, отложил их в сторону и потер уставшие глаза.

Я лежала на жесткой кушетке, не чувствуя правой руки. Это мне не понравилось совершенно.

Молодой человек подошел ко мне, проверил пульс, окинул мою руку сконфуженным взглядом.

– Андела? Вы меня слышите? – спросил он сначала по-английски, а потом по-русски.

– Ne, prosím, nechte mě být na pokoji! – агрессивно отозвалась я.

– Андела, – повторил он.

Я скосила глаза на правую руку и не произнесла ни слова. Потому что слов не было. Боли, в общем-то, тоже.

Незнакомец в ожидании хоть какой-то реакции удивленно уставился на меня. Я по-прежнему молчала, не отрывая взгляда от руки. Забеспокоившись, он придвинул стул вплотную к кушетке и опустился на него.

– Андела, взгляните на меня, – потребовал молодой человек по-русски.

Но я не могла. Смотрела на свою руку, вернее на то, во что она превратилась. Кости словно вытянулись, стали длиннее,

тоньше и легче, кожа почернела, сделалась грубой и жесткой. Пальцы теперь были длинными и суставчатыми и напоминали жутковатую птичью лапу.

– Это... что? – прохрипела я. – Что со мной?!

– Я расскажу вам. Пожалуйста, посмотрите на меня.

Я с трудом подняла взгляд. Широко раскрытыми глазами смотрела на человека, вытащившего меня из военного музея в неведомом мире или в моем сне.

Мужчина лет тридцати, с темными выющимися волосами. В его лице не угадывалось и намека на сострадание – лишь сосредоточенность и внимательность.

– Что с моей рукой? Где я? – русские слова насккивали друг на друга, мешались, и молодой человек не сразу понял, о чем я толкую. – Объясните мне.

Я резко села на кушетке, подтянула под себя ноги, прижалась спиной к стене.

– Я ведь не сплю? – прибавила я.

Это было уже совсем не смешно. Станный, очень странный сон и ни разу не интересный.

Он отрицательно покачал головой.

– Я вытащил вас в последний момент, – сказал молодой человек.

– Я должна убедиться, что это не сон.

– Какие доказательства вам нужны?

– Я должна убедиться... У вас есть нож? Скальпель? Бритва? – мой голос дрожал. – Что-нибудь острое.

– Вы с ума сошли? – ужаснулся незнакомец.

– Не вам решать! – я проворно соскочила с кушетки и метнулась к шкафу с медикаментами. Нашла там шприц, разорвала упаковку и, не дав своему спасителю опомниться, всадила иглу в здоровую руку.

– Черт! – глаза моментально наполнились слезами. Боль была настоящей. Кровь – тоже.

Я не проснулась.

Все происходило на самом деле.

– Андела! – я чувствовала, как молодой человек обнимает меня за плечи. Слышала, что в комнату зашла медсестра. Ранку обработали и заклеили пластырем, заставили меня выпить успокоительное.

Сон не заканчивался; меня накрыло ужасным, чудовищным ощущением реальности происходящего.

– Все это должно было случиться, – тихо произнес молодой человек.

– А вы сильны в утешениях, – пробормотала я.

Молодой человек по-прежнему обнимал меня за плечи. Это неправильно; так меня мог обнимать только Тейт. Я отстранилась и прижалась спиной к стене.

– Я даже имени вашего не знаю, – сказала я.

– Иван.

– Хорошо. А откуда вам известно мое имя?

– Вы были в базе данных Клементинума – одна из немногих, у кого способность проявилась на сто процентов. Гораз-

до сложнее объяснить вам, где вы сейчас находитесь и что, собственно, будет дальше.

– Ага, значит будет еще и продолжение... господи, – выдохнула я. Мало мне было Пограничных зон! Кстати, я, похоже, как раз угодила в одну из них. Да еще и умудрилась покалечиться. Отлично съездила в Эдинбург, ничего не скажешь! Я не могла понять, хотелось ли мне истерически разрыдаться или все же рассмеяться над собой.

Мир трещал и разваливался. Цветные осколки, искры, конфетти. Больше не будет Анделы Мареш, ее место займет уже совсем другая девушка.

– Так куда же меня занесло? – поморщившись, я снова внимательно изучила руку. Такого просто не могло быть. Но тем не менее...

– Андела, прозвучит безумно, но мы сейчас в Севастополе, – поведал загадочный Иван. Судя по его уставшему виду, ситуация безумно тяготила Ивана, и ему хотелось оказаться как можно дальше от людей в общем и от меня в частности.

– В Севастополе, – эхом повторила я, – заснула в Эдинбурге, а очнулась в Севастополе.

– Можно сказать и так. Только это был не просто сон. Вас занесло в Монохромный мир, – не очень дружелюбно отрезал Иван, – а потом в Пограничную зону. Вы ведь и раньше путешествовали во сне, всегда это умели. Но раньше пересекать границы миров могло только ваше эфирное тело.

Никогда за собой подобного не замечала, но ладно. Или он

имел в виду мои опыты с осознанным сновидением? Но ведь это было совершенно несерьезно.

– А сейчас я по-настоящему... перешла? – уточнила я.

Иван раздраженно передернул плечами.

– Как видите, – мрачно отозвался он.

Действительно, глупый вопрос, могла бы и не спрашивать!

Во мне начинало закипать раздражение.

Мозг отказывался воспринимать реальность. Меня затошнило, и здоровой рукой я закрыла глаза, чтобы не видеть ни Ивана, ни кабинет.

Этот человек говорит о Пограничных зонах. Выходит, все это правда, и Иван явно в курсе происходящего. Я хотела спросить про Клементинум (в моем понимании, это была библиотека в центре Праги, но вот что подразумевал Иван?), но молодой человек заявил:

– Вы счастливчик, Андела. Если бы я не оттащил вас от Катюши, вряд ли бы вы отделались покалеченной рукой.

– Вам нужно вручить первый приз как лучшему мастеру утешить и успокоить, – нервно усмехнулась я, – Катюша, та черная установка? Мне казалось, я помню ее... Нефас, Многоликая Чума, вот как она по-настоящему называется.

Интересно, откуда в моей голове взялись эти знания? Как будто я вдруг вспомнила.

Нахмурившись, Иван кивнул.

– Да, Нефас. Мерзкий магический артефакт. Его забросило в Пограничную зону из Монохромного мира. Мы понятия

не имеем, что это. Но оно любит калечить людей, пытается их жизненной силой. И никто не может его нейтрализовать, даже Сорренто.

Хорошо, допустим. Попытаюсь уложить этот факт в голову, как-нибудь потом смирюсь.

– Я должна поговорить с мужем, – заявила я, – предупредить, что я в относительном порядке. Господи, да Тейт, наверное, с ума сходит... – еще одна паническая мысль проникла в мой мозг, и я попробовала сползти с кушетки. Тело меня не слушалось. Иван мягко заставил меня сесть обратно.

– Мы связались с вашим мужем, он в курсе.

– Простите, но в курсе *чего*?

– Мы сказали ему правду: вы в Клементинуме и скоро вернетесь. Все это связано с фотографиями тварей, Пограничными зонами и ангелами подземки. Только пришлось применить гипноз – надо было убедить Тейта, что все в порядке и через пару дней мы прилетим в Шотландию. Использовали комбинированный метод убеждения, – невесело усмехнулся Иван. – У нас в институте его так называют. К нему приставили агента из Шотландского отделения, потому что возникли некоторые проблемы... с убеждением.

– Да уж, Тейту тяжело навязать свою волю. Но я все равно хочу с ним поговорить! – настойчиво потребовала я. – Мне нужен доступ в скайп! Он должен услышать от меня, что все в порядке!

– Не сейчас, – покачал головой Иван, – чуть позже. Сна-

чала попробуйте немного успокоиться и...

– Успокоиться? Да вы издеваетесь, что ли?!

Дыхание вдруг резко перехватило. Меня накрыло волной страха и одиночества, настолько сильного, что я больше не могла сдерживать слезы. Я разрыдалась, закрыв лицо ладонями – одной нормальной, а второй – страшной и чужой.

Слезы бежали и бежали по щекам, никак не желая останавливаться.

Я превратилась в комок злости, страха и отчаяния. Я проходила все стадии шока одновременно: неприятие и паника, осознание и смирение с неизбежным.

Иван не старался меня утешить, он просто сел рядом и снова обнял меня. На этот раз я не возражала. Я чувствовала, что когда-то давно он попал в похожую ситуацию и очень хорошо меня понимает. Я была благодарна за его молчаливое участие. Мне не становилось легче, но теперь я чувствовала себя в относительной безопасности.

– Как мне все объяснить Тейту? – набравшись мужества, я снова посмотрела на правую руку. Она казалась инородной, пришитой к моему телу по ошибке. Думаю, в тот момент я не до конца осознавала весь ужас случившегося со мной.

– Не знаю, – покачал головой Иван, – просто сказать правду. А может, он не захочет этого видеть и не заметит.

Я осторожно пошевелила искалеченной рукой, подняла ее к глазам, изучая неестественно длинные пальцы. В ушах зашумело, и я вновь ощутила приступ панического страха. Это

неправильно, так не может быть! С трудом справившись с собой, я произнесла:

– Ну, как-то сложно не заметить, что рука твоей жены напоминает жуткую лапу монстра! Допустим, я ее забинтую...

– Как правило, обычные люди не замечают повреждений, нанесенных магическими артефактами. Они чувствуют некую странность в вас, но не более, – перебил меня Иван.

Он поднялся с кушетки и подошел к окну, распахнул его. До меня донеслись запахи выхлопных газов, смешанные с ароматом росшей под окнами глицинии. Город, который я увидела сквозь открытое окно, был живым. Прекрасный, шумный, опаленный солнцем город, один из последних, все еще державших оборону в войне за жизнь нашего больного безумного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.